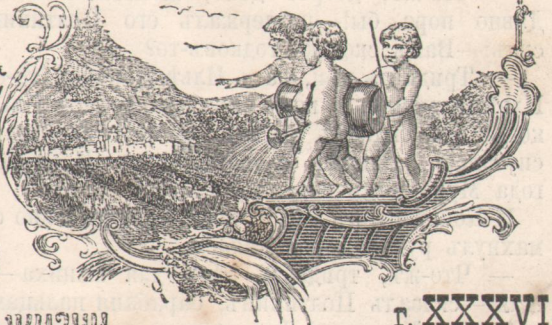

ЖИЗНЬ

ИЛлюстрированный
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 9

Выходит еженедельно (52 № в год), съ приложениемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 5-го марта 1905 г.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложения“ за мартъ 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1905 г. съ 25 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. велич. и 27 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1905 г.

Съ приложениемъ 40 книгъ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

Первыя 10 книгъ полн. собр. сочиненій

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

и остальные 30 книгъ полн. собр. сочиненій

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ достав-
ки въ Петер-
бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ
МОСКВѢ въ конторѣ
Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ,
Петровскія линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ
ОДЕССѢ въ кн. маг.
„ОБРАЗОВАНИЕ“,
Римельевская, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-
кою въ Пе-
тербургъ . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою
во все мѣсто-
сти Россіи. . .

8 р.

За
гра-
ницу. **12 р.**

Навстрѣчу жизни.

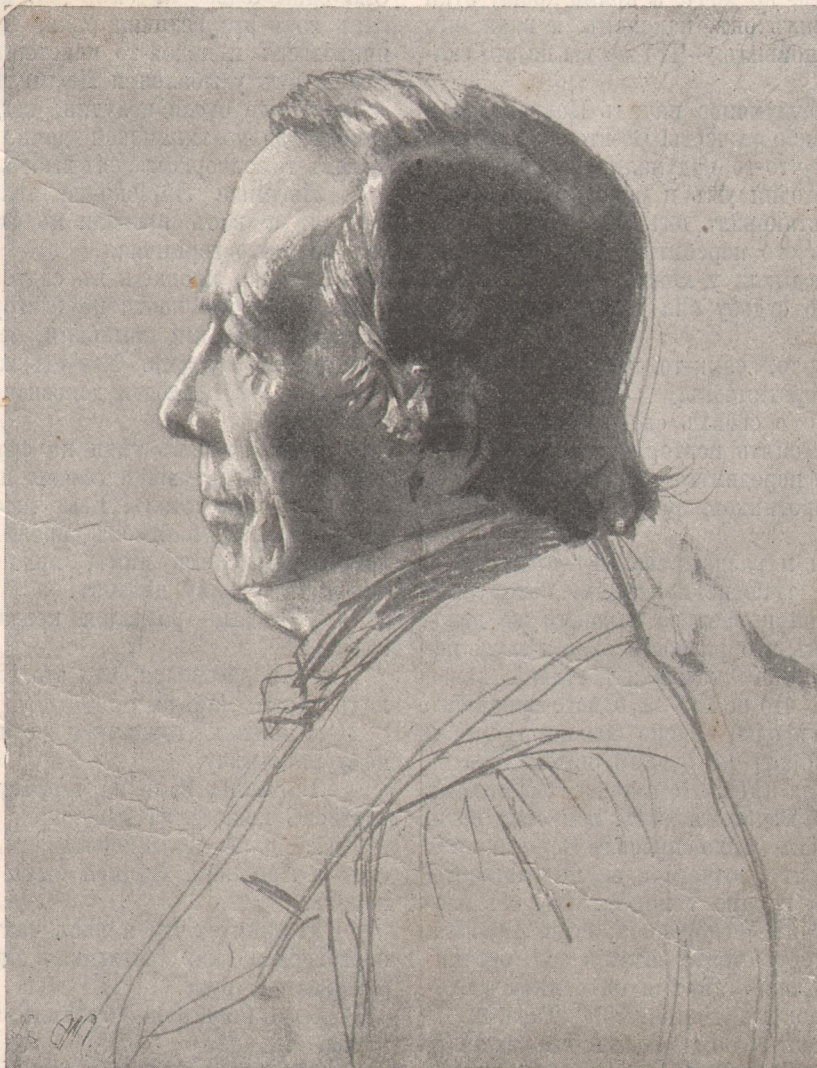
Романъ

В. А. Тихонова.

(Продолженіе).

Воротниковъ, не размышляя, залпомъ выпилъ ее и принялся закусывать осетровыми хрящами.

— Да, батюшка! Въ питьѣ да въ ѣдѣ тоже наука нужна! Вотъ, хоша бы англійская горькая... Какую она закуску требуетъ? — продолжалъ Полтининъ. — Къ англійской горькой лучше всего поджареная въ горчицѣ ветчина идетъ. А вотъ, на-примѣръ, рыжикъ или, въ особенности, груздь любить, чтобъ его поманили рюмкой водки, простой, нашей, очищенной, безъ всякой спеціи, потому что въ груздѣ своя спеціальность очень хороша. Редиской можно все закусывать, даже коньякъ, если кто его передъ ѣдой пьетъ, чего, впрочемъ, я не одобряю. Ну, а вотъ сыръ—самая плохая закуска, и поколику

Этюдъ А. Менцеля. Авт. «Нивы».

онъ послѣ ѣды хорошъ, потоплику передъ ѣдой не показуется. Такъ-то-съ! По второй пожалуйте!

И Полтининъ налил по второй, а Воротниковъ, самъ не замѣчая, что онъ дѣлаетъ, выпилъ и эту рюмку. И водка, на старья дрожжи, по-дѣйствовала на него быстро. Нервная дрожь прошла, и онъ какъ бы весь изнутри согрѣвался. Только еще сердце ныло, да сосало подъ ложечкой, но Полтининъ и тутъ успокоилъ его:

— Послѣ ботвиньи и это какъ рукой сниметъ,—увѣрялъ онъ.

Подали ботвинью, и съ ней они выпили еще по двѣ рюмки водки, и сердце перестало ныть, и подъ ложечкой не сосало больше, только какое-то пріятное чувство теплаго расслабленія охватывало Воротникова. И ему захотѣлось полюбить этого краснощекаго, чернобородаго и лысаго Ларіона Семеновича, полюбить потому, что

онъ отецъ Людмилы, которую онъ опять уже любилъ, еще сильнѣе вчерашняго.

Послѣ цыплятъ холодный рейнвейнъ пріятно освѣжилъ ему грудь, и онъ, принимаясь за землянику, вдругъ сказалъ:

— А я жениться хочу!

— Что-жъ, доброе дѣло, Константинъ Федоровичъ! Давно пора бы!—поддержалъ его Полтининъ и спросилъ:—Вамъ сколько годковъ-то?

— Тридцать три, какъ Ильѣ Муромцу, то-есть не какъ Ильѣ Муромцу, а какъ ему было, то-есть Ильѣ Муромцу, когда онъ сиднемъ сидѣлъ, да не сиднемъ... ахъ, чортъ! спутался!.. Однимъ словомъ, какъ Илья тридцать три года Муромцемъ сидѣлъ...

И Константинъ Федоровичъ, окончательно спугавшись, махнулъ рукой и разсмѣялся.

— Что-жъ, тридцать лѣтъ для жениха—пора хорошая!—сказалъ Полтининъ, барабанивъ пальцами по столу.

— Да! Хорошая! Теперь вотъ невѣсту ищу!—продолжалъ Воротниковъ, стараясь быть рѣшительнымъ.—Да и не ищу, а нашелъ ужъ! Теперь весь вопросъ только въ томъ, какъ она, пойдеть ли за меня.

— Ну, родной мой! Такіе женихи, какъ вы, на улицѣ не валяются, кто за васъ не пойдеть!—подбодрилъ его Полтининъ.

— О? Вы думаете?—повеселѣвъ, спросилъ Воротниковъ и сразу отпилъ полстакана вина.—Ну, а что... ну, а что бы вы сказали.—началъ онъ опять и на минуту замолкъ.—Ну, а что бы вы сказали, если-бъ я, напримеръ, къ вашей дочери посватался?

— Тутъ, Константинъ Федоровичъ, примѣры дѣлать неумѣстно!—серьезно отвѣтилъ ему Ларіонъ Семеновичъ.

— Нѣтъ, да я не примѣръ, я прямо такъ, открыто! Хочу... да и нѣтъ, не хочу, а прямо прошу руки вашей дочери!—выговорилъ онъ, наконецъ, и видя, что Полтининъ молчитъ, прибавилъ:—Что же вы на это скажете?

— Что-жъ скажу?—раздумчиво началъ Полтининъ.—Во-первыхъ, скажу, спасибо за честь! Во-вторыхъ, скажу, что вы больно прытко что-то надумали. Третьяго дня только ее увидали, а сегодня ужъ и руки просите. А въ третьихъ, позвольте!—остановилъ онъ Воротникова, замѣчая, что тотъ хочетъ его перебить.—А въ-третьихъ, и это самое главное, Людмила у меня человѣкъ вполне самостоятельный, и свою судьбу она только сама и рѣшить можетъ.

— Ну, а вы-то? Вы-то, сами-то какъ?—уже менѣе рѣшительно спросилъ Воротниковъ.

— Я-то что-жъ?! Я отъ своихъ словъ не отказчикъ, и знаю я васъ давно и опять повторяю, съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, кто породниться не пожелаетъ!

И онъ протянулъ Воротникову руку, а тотъ крѣпко пожалъ ее.

— Хоша мы съ вами и разнаго званія,—продолжалъ Полтининъ:—но званіе тутъ не при чемъ, потому что самъ я человѣкъ дѣловой и васъ за такового же дѣловаго человѣка знаю, такъ что разность званія намъ помѣхой быть не можетъ. Знаю также и состояніе ваше, стало-быть, могу судить, что не изъ-за одного приданаго вы заритесь. Только вотъ одно—скоро больно! Ну, да и это мы въ разсужденіе брать не будемъ, потому что на эти самыя чувства закона нѣтъ! Но главное, опять вамъ повторяю, у Людмилы, въ этомъ дѣлѣ, вся своя воля.

— А вы посоветуете ей?—тихо спросилъ Воротниковъ.

— Коли совѣта спросить, отчего и не посоветовать! Мое, вѣдь, она дитя, да и одно у меня!.. Однимъ словомъ, знайте, Константинъ Федоровичъ, если Людмила придетъ, и скажетъ: «Хочу, отецъ, замужъ за Воротникова идти: что посоветуешь?» Такъ я ей отвѣчу: «Благословляю тебя, онъ человѣкъ достойный!» Такъ-то-сь! А теперь, еще разъ за честь благодарю, и сдѣлаемъ такъ, какъ будто промежъ насъ никакого такого и разговора не было.

И они оба сразу, вставъ со стульевъ, обнялись и крѣпко, трижды поцѣловались. А потомъ опять опустились на свои мѣста и на нѣкоторое время замолкли.

XX.

Въ то же утро, но гораздо раньше, Никеша Слюзинъ, пѣшкомъ шелъ на дачу Полтинина. Онъ торопился. Вчера она сказала ему: «Приходите утромъ», а теперь уже былъ десятый часъ, и Никеша боялся, что онъ опоздалъ. Извозчика въ городъ онъ не взялъ по разсѣянности и, только миновавъ уже слободу, спохватился, но было поздно: здѣсь извозчиковъ достать было нельзя.

Шелъ онъ не большой дорогой, а тропинкой, берегомъ. Влѣво, внизу отъ него разстилась Волга, блестя искрами подъ яркимъ солнцемъ. По Волгѣ плыли плоты. «бѣжали» парходы. Ихъ свистки то протяжно, то отрывисто доносились до него, а въ кустахъ низкорослаго орѣшника щебетали птицы.

На душѣ у Никешы было хорошо и весело. Онъ смотрѣлъ на Волгу и привѣтливо ей улыбался.

Хороша была эта картина! Необозримымъ просторомъ уходилъ вдаль дѣвѣй луговой берегъ. Все дышало могучимъ привольемъ, какой-то неизсякаемой силой.

По временамъ Никеша обгонялъ какую-нибудь старуху съ клюкой или встрѣчался съ пригороднымъ мѣщаниномъ. Два раза ему приходилось обходить огороды и терять Волгу изъ виду. Но какъ только тропинка опять сворачивала къ берегу, онъ машинально прибавлялъ шагъ, словно торопился къ ней, къ этой прекрасной рѣкѣ. А глядя на нее, все время думалъ о Людмилѣ.

Она стояла передъ нимъ ясная, отчетливая, а все, что окружало ее, было въ какомъ-то туманѣ, и онъ не всматривался въ этотъ туманъ, не разбирался въ немъ. Она одна только и была для него интересна. И тоже, какъ вотъ эта великая рѣка, дышала она просторомъ и привольемъ и какой-то неистощимой силой. И улыбаясь Волгѣ, онъ улыбался и Людмилѣ.

Было уже около полудня, когда Никеша дошелъ, наконецъ, до полтининской дачи. Поплутавъ сначала по какимъ-то задворкамъ, онъ выбрался, наконецъ, и къ дому.

— Людмила Ларіоновна только что встали и одѣваются, а васъ просили въ саду подождать,—сказала ему какая-то горничная.

И Никеша прошелъ въ садъ. Тамъ было тихо. Цвѣты подъ солнцемъ почти не благоухали. Только бабочки, трепеща нѣжными крыльями, летали надъ ними, словно танцуютъ въ воздухѣ. Кое-гдѣ жужжала пчела, да переливчатая трель иволги доносилась изъ примыкавшаго къ саду парка.

Никеша сѣлъ въ тѣни на скамейку, снялъ бѣлую фуражку со вспотѣвшей головы и тутъ только почувствовалъ, что онъ усталъ. Безъ мысли, просто отдыхая, сидѣлъ онъ подъ навѣсомъ сирени, посматривая на разстилавшуюся передъ нимъ, ярко освѣщенную солнцемъ, большую куртину цвѣтовъ.

— Гдѣ вы?—раздался невдалекѣ отъ него женскій голосъ.

Никеша догадался, что это его зовутъ, и вышелъ изъ подъ своего навѣса.

Молоденькая горничная, вся въ свѣтломъ, шла къ нему навстрѣчу.

— Барышня васъ на террасу просятъ,—сказала она.

И онъ пошелъ за дѣвушкой.

На террасѣ, возлѣ небольшого сервированнаго столика, сидѣла Людмила. На ней былъ легкій, бѣлый, утренній капотъ.

— Извините, что я васъ такъ запросто принимаю,—проговорила она, протягивая ему свою красивую, полубогаженную руку.

Никеша ничего не отвѣтилъ, только привѣтливо улыбнулся.

— Садитесь,—продолжала Людмила.—Чего хотите: чаю, кофе или молока?

— Молока бы, если холодное.

Людмила налила ему большую хрустальную кружку холодного молока и пододвинула корзину съ печеньемъ.

— Спасибо, что пришли,—заговорила она, принимаясь за свой кофе.—Я сегодня никого видѣть не хочу, кромѣ васъ. Я сегодня тихая, какъ говоритъ Лыкошинъ. А когда я тихая, я немногихъ могу видѣть. Его, вотъ, то есть Юрія Андреевича-то, да васъ...

— Мы, вѣдь, объ немъ сегодня говорить собирались,—сказалъ Никеша.

— Да, да, поговоримъ!—подхватила Людмила.—Не достааетъ мнѣ его! Прогостили онъ у насъ тутъ съ недѣлю, уѣхалъ, и таково-то пусто стало! Хотѣ бы поговорить про него... А, вѣдь, когда вмѣстѣ, какъ ссоримся! Двухъ злѣйшихъ враговъ на свѣтѣ не сыскать! Переругаемся! Онъ уйдетъ и съ отцовской компаніей бражничать примется, а потомъ мнѣ скучно станетъ. Я его опять поманю. Поманю, а со второго слова, смотришь, опять у насъ ссора. А, вѣдь, онъ любитъ меня!

— Любить,—подтвердилъ Никеша.

— И я его люблю и горячо люблю, до злости люблю!..

— Отчего же вы этого ему не скажете?—тихо спросилъ Никеша:—а онъ вотъ мучается, вашихъ чувствъ не зная, въ хандру впадаетъ, даже въ отчаяніе, губить себя...

— Губить?—переспросила Людмила.

— А то какъ же? Развѣ это не гибель—питье-то?

— А зачѣмъ пить? Вѣдь онъ не слабый! Не Юнашовъ какой-нибудь!

Никеша усмѣхнулся.

— Да и вы вотъ пьете,—сказалъ онъ.

Усмѣхнулась и Людмила.

— Нѣтъ, я не пью. Я кучу! А это большая разница,—проговорила она.

— А по-моему совершенно все равно—безсиліе!

— Такъ вы и меня слабой считаете?

— Нѣтъ, не слабой... И его не слабымъ, и васъ... а оба вы не знаете еще, на что рѣшиться, и другъ другу мѣшаете.

— Какъ другъ другу мѣшаемъ?

— Да такъ. Онъ отъ васъ, а вы отъ него слова ждете. И это-то вотъ и есть безсиліе, что слова-то этого вы сказать не рѣшаетесь.

— Послушайте, что онъ за человѣкъ? Нѣтъ, погодите, не отвѣчайте!—остановила она сейчасъ же хотѣвшаго заговорить Никешу.—Вы свое молоко выпили?

— Выпилъ.

— Еще хотите?

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, и я кофе больше не хочу, а потому пойдемте на берегъ, сядемъ тамъ въ тѣни, да и потолкуемъ. Васъ, вѣдь, Никешей зовутъ?

— Никешей.

— Можно мнѣ васъ такъ называть?

— Конечно, можно.

— Ну, и отлично.

И они рядомъ пошли черезъ садъ къ берегу Волги.

— Вотъ здѣсь хорошо будетъ, прохладно,—сказала Людмила, входя въ маленькій искусственный гротъ, весь обвитый хмелемъ и какъ бы нависшій надъ обрывомъ.—И Волга вся передъ нами! И тихо. Садитесь.

Они сѣли.

— Ну, такъ скажите же мнѣ, Никеша, что за человѣкъ, по вашему мнѣнію, Юрій Андреевичъ Лыкошинъ? Я, видите ли, и сама его хорошо знаю. Я еще его студентомъ знала, въ Москвѣ. Онъ въ домѣ тети бывалъ. Но очень ужъ я, присмотрѣлась къ нему. Дѣвчонкой, вѣдь, я его впервые увидела-то! Ну, впечатлѣнія-то всѣ у меня и спутались. Я и играла съ нимъ, и кокетничала, и дразнила его и, можетъ-быть, совсѣмъ затормозила. При мнѣ онъ всегда въ нервахъ. Въ спокойномъ-то видѣ я и не помню, какой онъ. Люблю я его и по-

любила чуть не съ первой же встрѣчи, но эта нервность его всегда пугала меня, хотя я сама-то, можетъ-быть, и виновна въ ней. Но вотъ за послѣднюю нашу встрѣчу, когда онъ недавно вотъ тутъ гостилъ у насъ, еще больше затрепала его. А уѣхалъ, и пусто кругомъ, и жить нечѣмъ, такъ бы и кинулась къ нему! Встала бы на колѣни и сказала: «Прости! Прости меня! Люблю тебя!» Васъ увидела—обрадовалась! Онъ про васъ много мнѣ рассказывалъ и любить васъ... Ну, а теперь вы скажите, вы расскажите, что онъ за человѣкъ?

Никеша съ минуту сидѣлъ молча и какъ-то машинально потиралъ ладонью свой высокій, узкій и бѣлый лобъ. Потомъ вздохнулъ, посмотрѣлъ на Людмилу и сказалъ:

— Хорошій!—и опять помолчавъ немного, добавилъ:—Очень хорошій человѣкъ.

— Этого мало!—сказала Людмила.

— Нѣтъ, этого довольно!—возразилъ Никеша.—Ахъ, какъ довольно! О многихъ ли людяхъ можно сказать это?

— А что по-вашему значить хорошій человѣкъ?—спросила Людмила.

— А это именно тотъ, кто возлюбитъ ближняго, какъ самого себя. И вотъ Юрій Андреевичъ возлюбилъ, и ближній для него, это не то, что мать, братъ, сестра, отецъ. Это даже не другъ, это всякій, кто въ любви нуждается, кому помочь нужно. Это просто—человѣкъ. Юрій Андреевичъ,—продолжалъ онъ:—вы сами знаете, какъ на языкъ остеръ и какъ мѣтки его шутки. И многіе его за эти шутки боятся, очень многіе, но чтобъ его не любилъ кто—нѣтъ! Этого нѣтъ! Онъ высмѣетъ, сердито высмѣетъ подчасъ, сердито, но не зло и никогда не обидитъ. Потому что не зря онъ высмѣетъ, а желая пользы. Вы думаете, мало надо мной онъ смѣлся? О, какъ много! Бывало, что я и плакала отъ его шутокъ.

— И со мною случалось,—созналась Людмила.

— А, вѣдь, вотъ я же люблю его, да еще какъ люблю-то! И вы тоже! А почему? Потому что въ этихъ шутокъ не было желанія обидѣть, а только вамъ самимъ на себя глаза открыть хотѣлъ онъ... Но это только одна сторона души его. Ну, а другая, самая большая-то, когда онъ человѣку на помощь идетъ! Вотъ тутъ онъ хорошъ! Ахъ, какъ хорошъ. Себя ужъ тутъ онъ не помнить, не думаетъ о себѣ. Два раза видѣлъ я его на такомъ дѣлѣ, близко видѣлъ, съ нимъ былъ. Первый разъ, когда нашу губернію голодовка захватила, а потомъ, когда черезъ годъ послѣ это—тифозная эпидемія вспыхнула. Вѣрите ли, Людмила Илларионовна, страшно на него смотрѣть было! Не человѣкъ, а скелетомъ сталъ. Не спалъ, не ѣлъ путемъ—некогда было! Все съ ними, все съ голодными, да болящими... Помню я его тогда. Страшный былъ! Страшный и прекрасный! Говорить почти не могъ. Сердце у него кровью исходило... А когда, бывало, помочь нечѣмъ было или денегъ не хватало, или болѣзнь не поддавалась. О, какіе у него тогда глаза были! Помню, разъ онъ моего отца за бороду схватилъ... при мнѣ это было... хлѣба отъ него требовалъ... обезумѣлъ... Я разрыдался тогда. Онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и... самъ зарыдалъ! Смотримъ, ужъ и отецъ плачетъ, плачетъ и ключи мнѣ суетъ: «На, говоритъ, Никеша, иди, говоритъ, отпирай амбары, отдай, говоритъ, ему все! Обидѣлъ, говоритъ, онъ меня и не тѣмъ обидѣлъ, говоритъ, что за бороду взялъ, а тѣмъ, что усумнился во мнѣ, будто я не такой же человѣкъ и не такая же у меня душа въ тѣлѣ». И тогда мой старикъ весь запасъ, что у него было, раздалъ, а доктору потомъ въ соборѣ, когда благодарственный молебенъ служили за избавленіе отъ бѣдствій, а доктору-то, Юрію Андреевичу, при всемъ народѣ въ ноги поклонился!.. Зажечь онъ можетъ! Сердце зажечь!.. Вотъ онъ какой человѣкъ!..

Людмила сидѣла и тихо плакала. Лицо Никешы было блѣдно, какъ полотно, а въ углахъ его широко-раскрытыхъ глазъ сверкали двѣ слезинки, но не срывались.

Фридрихъ Великій. Картина А. Менцеля, авт. «Нивы».

Два этюда А. Менцеля. Эт. «Нивы»

Прошла минута молчанія.

— Напишите ему!—тихо заговорила Людмила.— Напишите ему, что я люблю его. Напишите ему все, что хотите, все, что знаете. И спасибо вамъ, что вы мнѣ послѣднее слово сказали. Я ждала его. Безъ него, безъ этого слова, еще не знаю, сколько времени бы наша пытка продолжалась. Васъ Богъ послать сюда!

А Никеша вдругъ весело улыбнулся. И такъ хороша была эта улыбка съ невысохшими еще слезинками, въ углахъ его большихъ голубыхъ глазъ. И улыбнувшись, онъ сказалъ:

— Знаете ли, Людмила Илларионовна, знаете ли, зачѣмъ меня сюда привезли, въ городъ?

— Нѣтъ, не знаю,—почему-то тоже улыбаясь и отирая глаза, сказала Людмила.

— Чтобы за васъ свататься или, какъ это говорится, жениться на васъ.

— Ну-у?—протянула Людмила, и улыбка ея стала еще веселѣе и ласковѣе.

— Да, да! Мой отецъ это надумалъ. Но это еще ничего, что отецъ, а когда я вотъ Юрію Андреевичу объ этомъ сообщилъ, такъ онъ, вмѣсто того, чтобы разсмѣяться, тоже сказалъ, что очень можетъ быть, что вы за меня пойдете... А за Воротникова, вотъ, не пойдете! Просто потѣха!

— А Воротниковъ, стало-быть, тоже женихъ?—уже совсѣмъ повеселѣвъ, спросила Людмила.

— Ну, про того не знаю,—сказалъ Никеша, но Людмила его не слушала, а продолжала:

— Да, Юрій хорошо меня знаетъ. Одинъ только, можетъ-быть, онъ и знаетъ меня. За Воротникова я не пойду! А за васъ, будь вы постарше, да не любя я Юрія, кто знаетъ, можетъ-быть, и вышла бы!

Никеша на эти слова громко разсмѣялся.

— Ну, какой я вамъ мужъ!—выговорилъ, наконецъ, онъ.

— А отчего же?

— Да оттого же, что «въ одну телѣгу впрячь не можно—коня и трепетную лань».

— Кто же изъ насъ конь и кто же изъ насъ лань?—спросила Людмила.

Никеша замахалъ руками и разсмѣялся еще громче...

Весь этотъ день онъ провелъ на дачѣ у Полтининыхъ, и все время не разставаясь съ Людмилой. Онъ и обѣдалъ съ ней вдвоемъ, у нея же въ комнатѣ онъ написалъ и письмо Лыкошину, причѣмъ Людмила не хотѣла знать, что онъ пишетъ. И только вечеромъ, когда изъ города вернулся Ларіонъ Семеновичъ, его на полтининскихъ лошадяхъ отвезли обратно къ отцу въ гостиницу.

Иванъ Никифоровичъ Слюзинъ стоялъ у окна своего номера, когда къ крыльцу подкатила великолѣпная коляска, запряженная парой сѣрыхъ въ яблокахъ, а когда Иванъ Никифоровичъ увидѣлъ, что изъ этой коляски выскочилъ его сынъ, Никеша, то онъ, какъ мячикъ, отскочилъ шага на три отъ окошка и принялся весело, весело хихикать.

XXI.

Тяжелые дни проводила Нина Сергѣевна въ своихъ Большихъ Воротникахъ. Страда деревенская была въ полномъ разгарѣ; всюду нужно было быть, вездѣ посѣловать. Безъ хозяйскаго надзора извѣстно, какъ «людишки» работаютъ. А она была одна, и ей приходилось разрываться на части.

А вмѣстѣ съ тѣмъ разрывалось на части и ея «материнское» сердце: гдѣ-то свѣтъ Костенька? Что-то онъ дѣлаетъ? Убѣжалъ и хотъ бы вѣсточку о себѣ прислать. До такой жестокости никогда еще не доходилъ онъ. Вѣрно, глубоко проняла его маменькина опека.

Положимъ, знала Нина Сергѣевна, что Костенька въ губернскомъ городѣ. Ну, а дальше-то что? Что онъ тамъ дѣлаетъ? Какъ ведетъ себя?

И Нина Сергѣевна хваталась руками за голову, стояла и даже, чего съ ней прежде никогда не случалось, подчасъ путала распоряженія, отдаваемые старостѣ.

А тутъ—новое огорченіе. Прошло около недѣли, и до

свѣдѣнія ея не прямо, а окольно доведено было, что Константинъ Федоровичъ жениться собирается на дочери *куща*, а какого куща—тутъ какъ-то фамилію спутали.

— Этого недоставало!—возмутилась Нина Сергѣевна.—Жениться, да еще на купеческой дочери! Купчиху мнѣ на голову посадить! Купеческое отродье надо мной хозяйствовать поставитъ! Не потерплю! Этого не потерплю!—грозила она.

«Не потерплю, не потерплю», а что дѣлать-то? Бросить все и скакать сейчасъ же въ губернскій городъ? Да какъ бросить-то, когда теперь въ хозяйствѣ не то, что каждый день, а каждый часъ дорогъ! Письмо грозное написать? Но Нина Сергѣевна и безъ того каждый день сыну по письму посылала, она знала, что Костенька въ гостиницѣ «Римъ» останавливается; а онъ ей ни на одно даже и не отвѣтилъ. Послать развѣ кого? Но кого пошлешь-то?

Дошло дѣло до того, что она даже съ Дуняшей совѣтоваться начала.

— Пошлите Павла Ивановича Чибисова,—не то въ серьезъ, не то въ шутку посовѣтовалъ «толстый духъ».

— И то!—ухватила, какъ за соломенку, Нина Сергѣевна.

И послала звать къ себѣ Павла Ивановича.

Старый селадонъ и неизмѣнный ея поклонникъ пріѣхалъ въ Воротники въ тотъ же день. Когда Нина Сергѣевна увидѣла, что тройка сытенныхъ саврасыхъ вятковъ ввезла во дворъ старомодную коляску Чибисова, она сама вышла къ гостю навстрѣчу.

— Можете себѣ представить, здравствуйте! Здравствуйтесь, несравненная Нина Сергѣевна, позвольте ручку!—переваливая свое круглое брюшко со стороны на сторону, щебеталъ выгѣзавшій изъ коляски Павелъ Ивановичъ.—Не могу найти словъ, можете себѣ представить, какъ я былъ обрадованъ, получивъ ваше приглашеніе!

— Дѣло у меня къ вамъ есть!—перебила Нина Сергѣевна потокъ излияній этого накрашеннаго купидона.

— Приказывайте! Приказывайте! Я весь въ вашемъ распоряженіи! «Я опущусь на дно морское! Я поднимусь на облака...»—захлебываясь Чибисовъ, цѣлуя «ручку» хозяйки.

— Зачѣмъ такъ далеко!—улыбнулась та.—Вы можете и ближе мнѣ оказать услугу!

— Услугу! Услугу! Вамъ! Но это дань моего сердца! Можете себѣ представить, все, что вамъ угодно!

Они въ это время уже вошли въ гостиную.

— Садитесь!—сказала Нина Сергѣевна и, зная, что Павелъ Ивановичъ любитъ выпить, приказала Дуняшѣ подать бутылку какого-то «мускатъ-люнеля».—Ту, что на Рождествѣ откупорили,—пояснила она ей.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Въ чемъ же дѣло?—ворковалъ Павелъ Ивановичъ, усѣвшись въ кресло и широко разставивъ свои коротенькія ножки.

— Да сынъ у меня сбѣжалъ!—какъ-то насильно улыбаясь, выговорила Нина Сергѣевна.

— Сбѣжалъ!? Можете себѣ представить, сбѣжалъ!? Куда? Зачѣмъ? Почему?—воскликнулъ Павелъ Ивановичъ.

— Въ губернскій городъ!.. Жениться...

— Въ губернскій городъ? Жениться?—повторялъ Павелъ Ивановичъ, безмысленно глядя на Нину Сергѣевну.

— Я, право, ума не приложу, что мнѣ и дѣлать-то теперь?

— Что вамъ дѣлать?—переспросилъ Чибисовъ и вдругъ запѣлъ:

«Такъ бѣжимъ, бѣжимъ мы вмѣстѣ!
Тру-ля-ля-ля! Тру-ля-ля!»

— Полноте паясничать, Павелъ Ивановичъ!—строго остановила его Нина Сергѣевна.—Я къ вамъ обратилась, какъ къ порядочному человѣку и дворянину, а вы что же это издѣваетесь надо мной?

— Ради Бога! Ради Бога! Нина Сергѣевна! Можете себѣ представить! Убѣдительно прошу простить меня!—испуганно залепеталъ Чибисовъ, нагибаясь, чтобы поцѣловать руку Нины Сергѣевны.

Но та ему руки поцѣловать не дала, а, слегка отодвинувшись, продолжала тѣмъ же серьезнымъ тономъ:

— Вы поймите, что жениться онъ хочетъ на какой-то купеческой дочери! Онъ! Дворянинъ! Послѣдній представитель нашей фамиліи! Онъ, которому стоитъ только захотѣть, чтобъ сейчасъ же быть выбраннымъ въ предводители дворянства! Онъ одинъ изъ самыхъ крупнѣйшихъ помѣщиковъ нашей губерніи, образцовый хозяинъ...

— *Mesalliance! Mesalliance!* Можете себѣ представить, *mesalliance!*—шептала, слушая ее, Чибисовъ.

— Такъ вотъ, я и обратилась къ вамъ, чтобъ вы помогли мнѣ, чтобъ вы сѣздили...

— Къ предводителю дворянства?

— Нѣтъ, не къ предводителю, потому что это не поможетъ, а туда, въ губернской городъ, разстроили бы всѣ эти козни, которыя ведутся противъ него, раскрыли бы интригу и спасли бы, спасли бы моего сына!

И безъ того напряженные нервы Нины Сергѣевны не выдержали, и изъ глазъ ея брызнули слезы.

— О! О! — застоналъ Павелъ Ивановичъ, самъ готовый расплакаться. — О, я сдѣлаю все, что могу! Можете себѣ представить, я поѣду туда! Я разрушу эту недостойную интригу! Чтобъ доказать вамъ мою преданность, можете себѣ представить, я пойду на все!

Нина Сергѣевна начала благодарными глазами смотрѣть на него.

— Можете себѣ представить, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ! — увлекаясь все болѣе и болѣе, продолжалъ Павелъ Ивановичъ. — Если понадобится, я отобью у него невѣсту! Отобью... но, конечно, не женюсь! Нѣтъ! На такихъ не женятся! Просто отобью, разстрою ихъ и самъ вернусь домой, къ вамъ, сюда!

Лучъ надежды, загоравшійся было въ глазахъ Нины Сергѣевны, какъ-то сразу погасъ.

«Этакій-то отобьетъ! Да еще у кого? У моего сына!» — думала она и начинала уже раскаиваться: зачѣмъ вызвала къ себѣ этого пустого старикашку, зачѣмъ сообщила ему свою тайну, зачѣмъ подѣлилась своимъ горемъ, которое теперь такъ профанируется пустой болтовней этого выжившаго изъ ума «*petit-maitr'a*».

Она хотѣла даже сказать, что ничего этого не нужно, что она передумала и что нечего ему беспокоиться ѣхать въ губернской городъ, но было уже поздно: Павелъ Ивановичъ закусилъ удила. Предстоящая миссія всецѣло захватила его, и онъ, развивая свои планы, вскакивалъ съ кресла, бѣгалъ по комнатамъ и потиралъ руки.

— О, можете себѣ представить, я покажу имъ, этимъ недостойнымъ интриганамъ, можно ли безнаказанно поднимать руку на дворянина, — несвязно лепетала онъ.

Нинѣ Сергѣевнѣ едва удалось выпроводить его изъ дому. Уѣзжая, онъ клялся, что завтра же утромъ выѣдетъ въ губернской городъ.

Не прошло и часу съ отъѣзда Павла Ивановича Чибисова, какъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ пожаловалъ новый гость. Это былъ Егоръ Капитоновичъ Курманаевъ.

Отставной маіоръ зорко слѣдилъ за своимъ соперникомъ «пузатымъ» и, пронюхавъ, ни вѣсть какими путями, что Чибисова вызывали въ Воротики, Егоръ Капитоновичъ сейчасъ же приказалъ закладывать свою бричку и самъ поскакалъ къ Нинѣ Сергѣевнѣ.

Почти при самомъ выѣздѣ изъ города, ему навстрѣчу попала коляска, а въ ней развалившійся на сидѣннѣ Павелъ Ивановичъ, и онъ издали еще замѣтилъ побѣдоносный, сіяющій видъ Чибисова. На лицѣ стараго селадона какъ бы застыла гордость отъ сознанія важнаго, особаго порученія, даннаго ему Ниной Сергѣевной.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Этюдъ дамы. Карандашный рисунокъ А. Менцеля (собств. Л. Ф. Маркса), впервые появляющийся въ печати. Авт. «Нивы».

Адольфъ Менцель и его произведенія.

(Съ 5 рис. на стр. 161, 164, 165, 167 и 168).

27 января этого года въ Берлинѣ скончался на 90-мъ году отъ рожденія величайшій изъ художниковъ современной Германіи, Адольфъ Менцель. Въ ряду крупныхъ именъ XIX-го столѣтія, имя Менцеля сіяетъ совершенно особымъ блескомъ, и не только одни нѣмцы имѣютъ основаніе гордиться этимъ именемъ, но и художественный міръ всей Европы: въ лицѣ Менцеля угасъ громадный талантъ, и, что всего важнѣе, талантъ въ высшей степени культурный, потому что онъ основывался на огромной выучкѣ, на колоссальномъ запасѣ общихъ и специальныхъ знаній и былъ соединенъ съ необычайнымъ трудолюбіемъ. Какъ художникъ, онъ не зналъ себѣ равнаго: это былъ, въ полномъ смыслѣ слова,

художникъ «Божіей милостію», — обладавшій даромъ непосредственнаго творчества, даромъ творческаго откровенія. Какъ работникъ, Менцель не зналъ себѣ равнаго даже среди методически упорныхъ въ трудѣ нѣмецкихъ работниковъ... Онъ работалъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, обѣими руками: будучи лѣвшой и пожелавъ побѣдить этотъ недостатокъ, Менцель добился того, что сталъ съ одинаковой легкостью и ловкостью рисовать не только лѣвой, но и правой рукой. И вотъ, сочетаніе огромнаго трудолюбія и блестящаго таланта и доставило Менцелю вполне заслуженную всемірную славу.

Но если для насъ, для Европы, для всего остальнаго міра Мен-

А. Менцель въ своемъ кабинетѣ. По фот. авт. «Нивы».

цель является художником первой величины, одинаково сильным и интересным во всех видах живописи, то для немцев его художественная деятельность имела особую важность, прямо таки, небывалое значение. Из всех художников, которых воспитала Германия, ни один не слился так полно с духом своего народа и не был таким блестящим выразителем его истории и современной действительности, как Менцель. Это были поистине певец немецкой государственности, певец дома Гогенцоллернов... В целом ряде исторических картин, акварелей и рисунков Менцель воскресил всю историю «Старого Фриша», т. е. Фридриха Великого, и воскресил эту историю зачатия германского империализма с такою яркостью, силой и детальной достоверностью, как будто сам жил при дворе Фридриха и лично провел с ним всю жизнь. В картинах, относящихся к этой эпохе и, вообще, к немецкой истории, Менцель изобразил не только жизнь и быт эпохи и исторические события разного времени, но самое главное, показал в них последовательное развитие германской национальной мощи... В великодушных произведениях, вышедших из-под его кисти и карандаша, Менцель представил зарождение и расцвет Пруссии, воспылал славу Гогенцоллернов и торжество прусской гегемонии — вплоть до победоносной войны 1871—72 гг. — и в этом отношении он особенно дорог сердцу каждого немца.

Историческая живопись была как бы специальностью Менцеля, но он охотно работал и в другом направлении. Он создал целую галерею превосходных портретов, жанровых картин, сцен и типов современной действительности и даже коснулся символики в ряде фантастических картин, рисунков, заставок и виньеток. Содержание произведений Менцеля, область его сюжетов охватывает реально всю природу, вторгается кроме того и в сферу фантазии и аллегории. От художественного взора Менцеля не укрывалось из окружающей его жизни ничего, и он на все откликался своим талантом.

В этой полноте и фундаментальности творчества и таится секрет той силы и значения, которые свойственны таланту Менцеля. К этому нужно прибавить еще и то, что Менцель является прежде всего художником-реалистом чистейшей воды; как у Льва Толстого, и у Менцеля главный герой его произведений — правда. Талант Менцеля — это само здоровье, сама бодрость. От него веет свежестью и счастьем неомраченной, светлой и искренней души.

Менцель родился в Бреславле в 1815 году. Отец его занимал скромную должность смотрителя училища для девочек и в то же время занимался литографским искусством. Может быть, это, именно, занятие и повлияло на художественные наклонности его сына. Во всяком случае, стремление к рисованию проявилось у Адольфа Менцеля чрезвычайно рано, и нужно отдать справедливость его отцу — последний не забивал и не тормозил склонности своего сына, хотя и предназначал его к ученой деятельности. В 1830 году Менцели переселились в Берлин, и там, спустя два года, старик Менцель умер, оставив своего шестнадцатилетнего сына без всяких средств существования.

И вот, тогда-то Адольфу Менцелю пришлось пустить в дело весь свой художественный талант, чтобы не погибнуть с голода. Он рисовал этикетки для бутылок, виньетки к прейс-курантам, рисунки для обоев и пр. В 1833 году ему, наконец, удалось использовать свой талант более достойным образом: некий книгоиздатель Заксе поручил ему изготовить литографским способом рисунки к биографии Лютера. Менцель исполнил заказ блистательно и приобрел некоторую известность, как хороший литограф. В том же году он поступил в берлинскую академию художеств, но очень скоро ушел оттуда, так как решил, что ничего полезного он там не получит. В этом поступке сказались та самостоятельность и независимость, которая всегда была свойственна Менцелю и его таланту. Он остался «самоучкой», но зато устроил сам для себя такую серьезную школу и так старательно прошел ее, что никакая академия ему, действительно, не была бы нужна и только помешала бы его свободному и сильному творчеству.

В том же году Менцель добился и первого успеха, как художник. Он изготовил для того же Заксе тетрадь литографированных рисунков, представляющих собою нечто целое; тетрадь была озаглавлена «Künstlers Erdenwallen», и в ряд ее рисунков изображалась жизнь художника — тернистый путь его земного существования и посмертная слава. Рисунки были снабжены символическими виньетками и лаконическими подписями: «Зарождение», «Стремление», «Свобода», «Школа», «Любовь», «Воздушные замки», «Действительность» и т. д. Это оригинальное произведение имело крупный успех, и с этого времени «прикладная» художественная деятельность Менцеля, т. е. рисование этикеток и обоев, уступает место настоящей художественной деятельности и вместе с тем постоянной уюрной работой самосуществования. Эта работа не прекращалась до самого конца земных дней Менцеля.

Вторым крупным художественным произведением его были так называемые «Бранденбургские достопримечательности» — 12 рисунков, изображавших разные события из германской истории («Проводы христианства у Вендов», «Взятие крепости Бреннабора» и др.). Рисунки эти были исполнены тоже литографским способом.

Тогда же Менцель попытался впервые писать и масляными красками. И хотя, по его словам, он тогда «больше мнил, чем

писал», все-таки его первая картина: «Auf zu den Wallen» и «Konsultation beim Rechtsanwalt» имели серьезный успех.

Выше мы уже упоминали о главнейшей специальности Менцеля — об его излюбленной теме «жизнь и эпоха Фридриха Великого». К этой теме он впервые приступил в 1839 году, и поводом к этому послужило следующее обстоятельство:

Книгоиздатель Вебер в Лейпциге затеял издать иллюстрированную историю Фридриха Великого, текст был поручен Францу Куглеру, рисунки — Менцелю. Менцель с жаром принялся за изучение этой эпохи, отчасти уже знакомой ему по «Бранденбургским достопримечательностям», и так проникновенно углубился в изучаемую историю, так детально познакомился с ней, что она, наконец, предстала его духовному взору во всей своей полноте.

«История Фридриха Великого» вышла в свет в 1842 году и заключала в себя до 400 рисунков.

Вскоре после того Менцель выпустил в свет другое свое произведение из той же эпохи; он задался целью изучить и воспроизвести в красках всю армию Фридриха Великого. Это был опять таки колоссальный труд, потому что кроме портретов различных военачальников и героев Менцель изучил и воспроизвел всю вышность армии, все костюмы, все оружие — до последней пуговицы, до последнего ремня на барабане. К 453 рисункам этой серии он впоследствии прибавил еще 32 рисунка такого же содержания, изданных отдельно («Heerschan der Soldaten Friedrichs des Grossen»). В результате получилось нечто совершенно своеобразное и невиданное дотоле по удивительной обстоятельности и точности воспроизведения.

В то же время Менцель занимался иллюстрированием литературных произведений Фридриха Великого и рисовал одну за другою больше картины масляными красками, — опять таки из жизни своего возлюбленного героя. Последовательно появились: «Bittschrift», «Фридрих Великий среди своих друзей в Сансуси» (Фридрих за столом в компании с Вольтером и другими знаменитостями), «Концерт Фридриха Великого в Сансуси», «Фридрих Великий во время путешествия», «Фридрих и его сподвижники в битве при Гохкирхе» и т. д.

В 1861 году Менцель начал и через 4 года окончил свою знаменитую картину «Коронация короля Вильгельма в Кенигсберге». Этой картиной он вступил в историю современной ему Гогенцоллернов, и, начиная с нея, стал изображать императора Вильгельма I, его сотрудников и его двор в разной обстановке и при различных обстоятельствах. Чаще всего из-под его кисти выходили сцены придворных балов («Ballsouper», «Canserie», «Cercle»), собраний и торжеств, где на фоне блестящей обстановки и пышно разодетой толпы фигурировали различные известные лица, во главе с императором. И везде, и всюду зоркий глаз художника улавливал все характерное и оригинальное и запечатлел все подмеченное им в жизненной простоте и естественности.

В то же время он работал и над другими сюжетами, охотно изображая иные типы и обыденный жанр. Побывав не один раз во Франции и Италии, Менцель вывез оттуда целый ряд прелестных жанров, типов и эскизов. Он изображал городские улицы, шумную жизнь Парижа и Вероны, тѣсные уголки сельских ландшафтов, заносил в свои тетради мимолетные путевые впечатления, зарисовывал интересные и характерные типы, — и везде, и всюду подмечал и улавливал скрытую в природе поэзию...

Было бы затруднительно перечислять все или хотя бы главнейшие картины Менцеля. Число их громадно, и остается лишь пожалеть о том, что многие из его чудесных картин находятся в частных руках и, таким образом, недоступны для публики.

Менцель оставил после себя невзрачное количество эскизов, набросков и «студий». И в каждом штрихе этих студий и набросков видны великое мастерство, огромная сила выражения и яркая оригинальность и характерность. В настоящем № «Нивы» воспроизводим некоторые из эскизов Менцеля. Один из них («Дама в шляпке»), приобретенный лично покойным А. Ф. Марксом от художника и составляющий собственность Л. Ф. Маркса, не был еще воспроизведен до сих пор нигде и является в нашем журнале впервые.

Менцель был очень оригинальным человеком в своей внутренней жизни. Страстно преданный искусству, он остался на всю жизнь холостяком и нарочно избегал женского общества, чтобы не отвлекся от своего жизненного призвания. Личное счастье, свободу, здоровье — он все приносил в жертву искусству. Запирался от всяких развлечений, избегая пестроты, он работал до изнеможения и весь свой невзрачный труд скромно называл лишь «выполнением жизненного долга».

Оригинальна была и его вышность: Менцель был очень мал ростом, почти карлик, но лицо имело мужественное и даже несколько суровое и держалось с большой важностью. Нужно, впрочем, сказать, что и почти ему в последние годы его жизни воздавался прямо необыкновенный, и Менцель был, действительно, очень важным лицом при берлинском дворе. Императоры Вильгельм I и Вильгельм II воздавали Менцелю, как «целую Гогенцоллернов», выходящая из ряда вон почести. В день рождения художника, когда ему исполнилось 80 лет, для его чествования был вызван императором полк гренадер, и полк этот отдавал царские почести маленькому суровому старичку в черном фраке. Такими же почестями сопровождался и похороны Менцеля, спокойно угасшего после долгой и необычайно плодотворной жизни.

Вблизи японцев.

(Из текущей войны).

Уже стемнело, когда я, возвращаясь с позиций, перевалил через гору, за которой расположена была главная квартира и биваки стоявших в резерве армии полков, и передо мною развернулась рѣдкая картина. Долина зажглась тысячами бивачных огней, клубившихся столбами бѣлаго дыма. Между ними, там и сямъ, свѣтились разноцвѣтные фонари штабовъ. Пламя костровъ выхватывало изъ мрака то коновязь съ рядами стоявшихъ и лежавшихъ лошадей, то нѣсколько землянокъ, около которыхъ группы солдатъ, въ разношерстныхъ одѣяніяхъ, варили ужинъ въ котелкахъ, кипятили чай, то полуразрушенныя фанзы, гдѣ каждый уголокъ кипѣлъ вторгнувшеюся въ нихъ новою, чуждою китайскимъ жилищамъ жизнью.

Вотъ гдѣ-то подбросили новую связку гаоляна въ костеръ, и онъ яркимъ заревомъ озарилъ до-верху стоявшее вблизи дерево, и пожелтѣвшая листва его сразу дала отблескъ золота, точно оживъ подъ огнемъ.

Со всѣхъ сторонъ несся гомонъ десятковъ тысячъ голосовъ, топотъ коней, скрипѣнье подвозившихъ провантъ китайскихъ арбъ, и, какъ аккомпаниментъ этому хаосу звуковъ съ позиций, раздавалось глухое буханье нашихъ и японскихъ орудій.

Лавируя между рядами двуколокъ, пѣшими и конными, запрудившими дорогу, ведшую въ деревню Хуаньшань, я, наконецъ, усталый и протроганный, добрался до фанзы, служившей мнѣ временнымъ приютомъ, гдѣ помѣщались офицеры развѣдочнаго дивизиона главнокомандующаго.

Когда я перешагнулъ черезъ порогъ ея, тамъ ужинали, кромѣ хозяевъ: ротмистра Дроздовскаго, есаула графа Стенбока и сотниковъ Щербачева и Шатилова, еще двое гостей: художники Самокишъ и Мазуровскій.

Слухъ мой поразили слова перваго изъ жрецовъ искусства живописи:

— Нѣтъ, господа, я съ ней больше не разстанусь. Она мнѣ слишкомъ дорога, такъ долго искалъ я ее, и къ счастью, наконецъ, нашелъ. Она не выйдетъ изъ моихъ объятий.

«Вотъ такъ штука! Чего только не дѣлаетъ война, — подумалъ я: — на позиции, гдѣ ни кусочка женщины, вдругъ такія фразы, да еще женатаго и солиднаго человѣка, какимъ я много лѣтъ зналъ почтеннаго художника».

Я сѣлъ за столъ, такъ и не рѣшаясь спросить его, къ кому относились пылкія, съ пафосомъ произнесенныя, фразы. Но продолженіе того же разговора убѣдило меня, что рѣчь шла всего только о японской... винтовкѣ!

Оказалось, что наши симпатичные художники были долго въ тщетныхъ поискахъ за аксессуарами для своихъ картинъ: мундирами, оружіемъ, сѣдлами и т. п. Поэтому неожиданный подарокъ винтовки Самокишу графомъ Стенбокъ естественно привелъ перваго въ восторгъ.

Изнѣженнымъ и пресыщеннымъ столичнымъ жителямъ незнакомо, увы, тотъ удивительный, можно сказать, волчий аппетитъ, который является лишь результатомъ усиленнаго моціона и спанья на открытомъ воздухѣ. Скоро окончилась трапеза. Перешли къ чаепитію.

— А гдѣ же мои любимыя печеня? — строго обратился Дроздовскій къ своему вѣстовому-развѣдчику Ионову, на полушубкѣ котораго желтѣла георгиевская ленточка.

— Такъ что, вальбродъ, господа съѣсть изволили,—бойко отпортовалъ онъ.

— Вотъ тебѣ и разъ—вѣдь я же предупреждалъ, чтобы ты подавалъ все, что захотятъ, изъ другихъ печеній, только не это, такъ какъ тѣхъ я не ѣмъ.

— Такъ точно, вальбродъ, я даже коробку припечаталъ, а аны такую вдругъ катастрофу навели. Я и оборотиться съ кухни не успѣлъ, какъ уже ничего не осталось.

Громкій хохотъ молодежи накрылъ реплику Ионовъ.

— Ну, вотъ что я тебѣ скажу, если еще разъ ты мнѣ такъ проворонишь, я тебя подъ винтовку на всю ночь вверхъ ногами поставлю.

— Онъ, ротмистръ, все въ развѣздъ просится,—замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ.

— Чего ты? Не стоитъ на мѣстѣ? — также строго спросилъ Ионовъ Дроздовскій.

— Такъ точно, вальбродъ, второй крестъ надо зарабатывать, потомъ третій,—не мигнувъ, отвѣтилъ Ионовъ, бывший приказчикъ въ тамбовскомъ лабазѣ.

— Не жирно ли будетъ?—съ той же напускной строгостью оборвалъ его командиръ и предложилъ всѣмъ идти спать, такъ какъ было уже поздно, т. е. восемь часовъ вечера.

— Чуетъ мое сердце, не дадутъ намъ эту ночь спать,—пророчествовалъ Дроздовскій, ловко снимая съ себя тужкуру одною рукою, такъ какъ лѣвая давно была уже лишена кисти.

Завалились мы, почти не раздѣваясь и снявъ только сапоги, иначе и подъ бурками невозможно было бы заснуть отъ холода.

Почти всѣ завернули себѣ головы башлыками, оставивъ лишь отверстіе для рта и носовъ, а Дроздовскій натянулъ цѣлый вязанный шлемъ, почему я и прозвалъ его: Ричардъ Львиное Сердце. Въ этомъ наименованіи была игра словъ, потому что нашъ амфибріонтъ, несмотря на однорукость, отличался рѣдкимъ безстрашіемъ и дѣйствительно львинымъ сердцемъ, такъ какъ въ мирное время его любимымъ занятіемъ было отправляться въ клѣтки къ тиграмъ, медвѣдямъ, лвамъ и укрощать ихъ. Скоро въ фанзѣ воцарилась темнота, и послышались съ разныхъ сторонъ храпѣнье и свистъ. Подъ нихъ я и заснулъ.

Проснулся я отъ возгласа:

— Кто тамъ?

Въ комнату вваливалось что-то громоздкое.

— Адинарепъ, ваше в—дѣ!

— Что скажешь?—спросилъ Дроздовскій закивая, свѣчу.

— Такъ что главнокомандующій требуютъ, чтобы сейчасъ.

— Ладно, иди, — и Дроздовскій сталъ спѣшно одѣвать сапоги и оружіе.

— Шлемъ-то снимите,—напомнилъ я ему.

— Ахъ чортъ возьми, чуть не забылъ! Я уже предчувствовалъ, что спать не придется, послушайте, какъ жарятъ съ Путиловской сопки.

Я прислушался, оттуда дѣйствительно доносилось непрерывное буханье орудій.

Дроздовскій поспѣшно вышелъ, а я сталъ пытаться снова уснуть—но не надолго забылся, такъ какъ скоро опять раздался гласъ Ричарда.

— Шатиловъ, Щербачевъ, вставайте, послать вахмистра.

Молодые люди, вскочили, какъ встрепанные, черезъ нѣсколько минутъ вошелъ и красавецъ-вахмистръ.

— Два развѣзда по 12 казаковъ, — сейчасъ обратился къ нему Дроздовскій.

— Слушаю-съ!—отрѣзалъ уралецъ и исчезъ.

— Вотъ что, господа, — обратился Дроздовскій къ офицерамъ, которые стали уже около него съ картами въ рукахъ:—повидимому ожидается сегодня наступленіе японцевъ, которые будутъ стремиться прорвать нашъ центръ, главнокомандующій опасается вотъ за эту долину. Вы, Шатиловъ, возьмете направленіе вотъ на эту деревню и съ нея повернете влѣво, пробѣдете дальше, минуя вотъ эти сопки...

Дальше я ничего не слышалъ, такъ какъ опять заснулъ, завернувшись уже съ головою въ бурку.

Проснулся я опять отъ вваливанья кого-то въ фанзу.

— Кто тамъ?

— Такъ что начальникъ штаба командера дивизиона къ себѣ требуютъ,—раздался сильный голосъ.

— Сейчасъ!—отозвался Дроздовскій и, зажегши свѣчу, опять сталъ стягивать шлемъ и одѣвать сапоги.

У меня сонъ уже прошелъ. Стенбокъ, лежавшій подъ прямымъ угломъ къ моей койкѣ, тоже не спалъ.

— Навѣрно опять пойдутъ два развѣзда—вотъ и всѣ офицеры,—замѣтилъ онъ:—если еще послышка, тогда уже мнѣ придется ѣхать.

— Гдѣ же остальные?—спросилъ я.

— Двое въ дальнихъ развѣздахъ, Радзивиля, какъ вы знаете, сидитъ ятый день на сопкѣ съ башней, Чудіевъ караулитъ у Путиловской сопки.

Дроздовскій скоро вернулся, поднялъ еще двухъ офицеровъ, быстро снабдилъ ихъ инструкціями, и они отправились.

Начинало уже свѣтать—на дворѣ завозились вѣстовые.

Кто-то звалъ:—Ванька, Васыка, Мишка!

— Кто это Ванька, Васыка?—спросилъ я Дроздовскаго.

— Это переводчики, китайцы: ихъ такъ казаки окрестили.

— Васыка въ дѣлѣ былъ. Пошли мы въ атаку, и онъ скачетъ, я, говоритъ, также желаю японца рубить.

Скоро взошло солнце, и мы начали вставать.

Это былъ самый трудный моментъ: тяжело было вылѣзть на морозъ изъ-подъ нагрѣтыхъ бурокъ и одѣяль.

Не успѣли выпить по стакану, какъ снова ввалился ординарецъ и доложилъ, что главнокомандующій въ восемь часовъ выѣзжаетъ на позиции.

— Сѣдлай!—закричалъ Дроздовскій, выходи на дворъ.

— Сѣдлай!—раздался со всѣхъ сторонъ голоса взводныхъ урядниковъ.

Тревожная ночь кончилась, начинался такой-же день.

Нашъ спеціальный военный корреспондентъ академикъ Н. С. Самокишъ.
По фот. авт. «Нивы».

НѢЧТО О НОВОМЪ СТИЛѢ.

(Очеркъ съ 13 рис. на стр. 171—175).

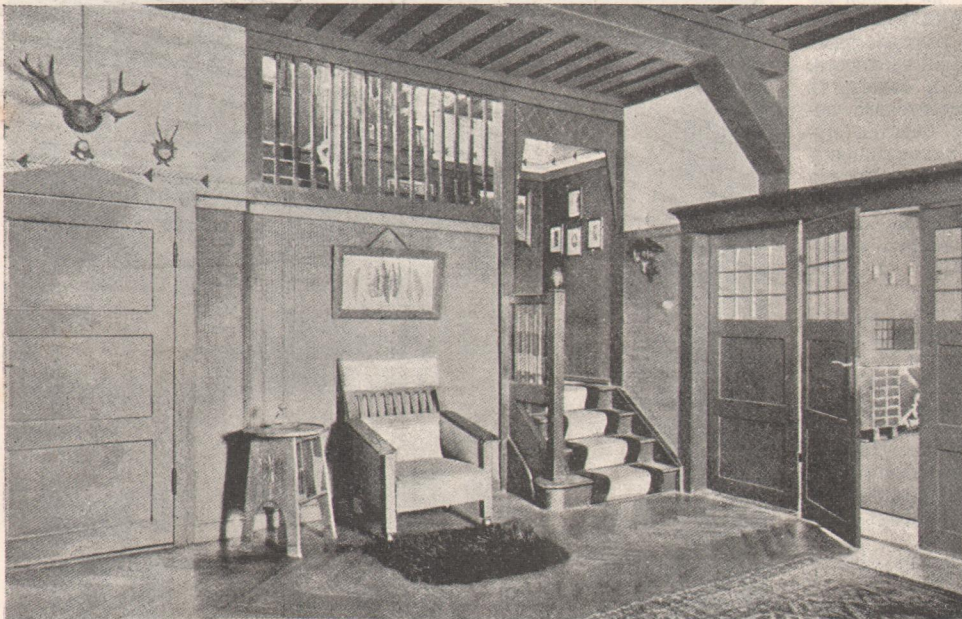
Все въ мірѣ идетъ впередъ, все измѣняется. Опадаютъ старыя листья, и на ихъ мѣстѣ вырастаютъ новыя. Умираютъ миллионы

дипломными. Только тогда ихъ признавали. Зато впоследствии люди уже свято лѣляли ихъ, и когда на смѣну являлось что-либо новое, люди страстно цѣплялись за прежнее привычное достояніе, хотя прежде проклинали и ненавидѣли и отвергали, именно, это самое достояніе.

Такова грустная трагикомедія чело-вѣческаго духа. Подобную борьбу вынесли всѣ устои современной культуры. Вспомнимъ христіанство, науку, искусство, техническія изобрѣтенія. Христіанъ затравливали звѣрями, Галилея съ его знаменитымъ «E pur si muove!» посадили въ тюрьму; трагедія Гюго и оперы Вагнера были на первыхъ порахъ жестоко осмѣяны; изобрѣтатель дождевого зонтика и тотъ подвергся настоящей анаемѣ со стороны своихъ согражданъ, хотя, казалось бы, что можетъ быть невиннѣе этого изобрѣтенія? И такъ во всемъ и всегда. Къ сожалѣнію, даже и теперь эта боязнь новыхъ формъ господствуетъ среди насъ; и теперь все новое подлежитъ на первыхъ порахъ жестокому остракизму... Всѣ новыя формы подвергаются нападкамъ и осмѣянію.

То же самое и въ искусствѣ. Въ наше время во всѣхъ областяхъ искусства—въ художественной литературѣ, поэзіи, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ—вездѣ борются новыя

теченія. Ходячее и достаточно опошленное неумѣреннымъ и неразумнымъ употребленіемъ словечко «декадентство» хорошо зна-

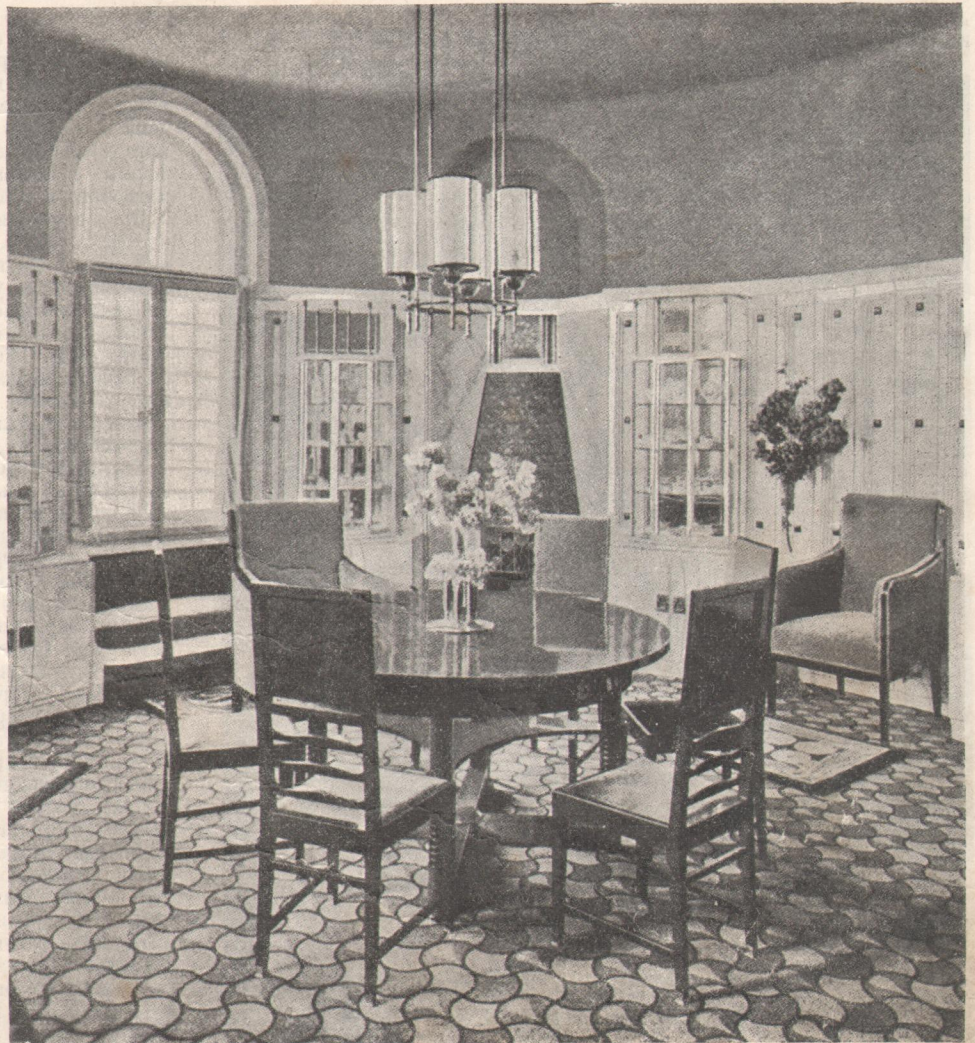
Проходная комната.

живыхъ существъ, и вмѣсто нихъ нарождаются и развиваются поколѣнія другихъ, молодыхъ созданий. Старыя идеи и прежніе порядки уступаютъ мѣсто новымъ идеямъ и порядкамъ. Жизнь, во всемъ ея объемѣ и полнотѣ, заглохла бы и превратилась бы въ смрадное болото, если бы не было этой постоянной смѣны, этого постоянного движенія впередъ.

Человѣческая культура во всѣхъ ея видахъ—возьмемъ ли мы религію, мораль, законы, науку или искусство—всегда была спутницей и проявленіемъ жизни. И если жизнь идетъ впередъ, и поступательное движеніе ея такъ же непрерывно, какъ непрерывно поступательное движеніе земного шара по его орбитѣ то, казалось бы, странно было бы ожидать или, тѣмъ болѣе, требовать отъ проявленій жизни, оцѣненности и неподвижности формъ!

Но, въ дѣйствительности, однако, какъ мы знаемъ, такія требованія постоянно существовали и до сихъ поръ существуютъ по какому-то странному закону противорѣчія, жизнь требуетъ движенія впередъ и новыхъ формъ, а носители жизни—люди, по крайней мѣрѣ, людское общество въ главной его массѣ,—выказываютъ удивительную привязанность ко всему старому, прочно установившемуся, и проявляютъ слѣдную боязнь всего новаго и непривычнаго. Самый страхъ смерти, столь свойственный каждому чело-вѣку, есть, въ сущности, не что иное, какъ все та же странная и непонятная боязнь новыхъ формъ, привычка и любовь къ старому.

Эта боязнь новшествъ и привязанность къ традиціямъ сыграла печальную роль на всемъ протяженіи исторіи чело-вѣческаго духа. Начиная съ древнихъ временъ, всѣ новыя идеи, новыя понятія и знанія терпѣли жестокаго гоненія и порицанія, пока, наконецъ, незамѣтно для людей не вѣдрлись въ ихъ обиходъ и не дѣлались старыми, тра-

Столовая.

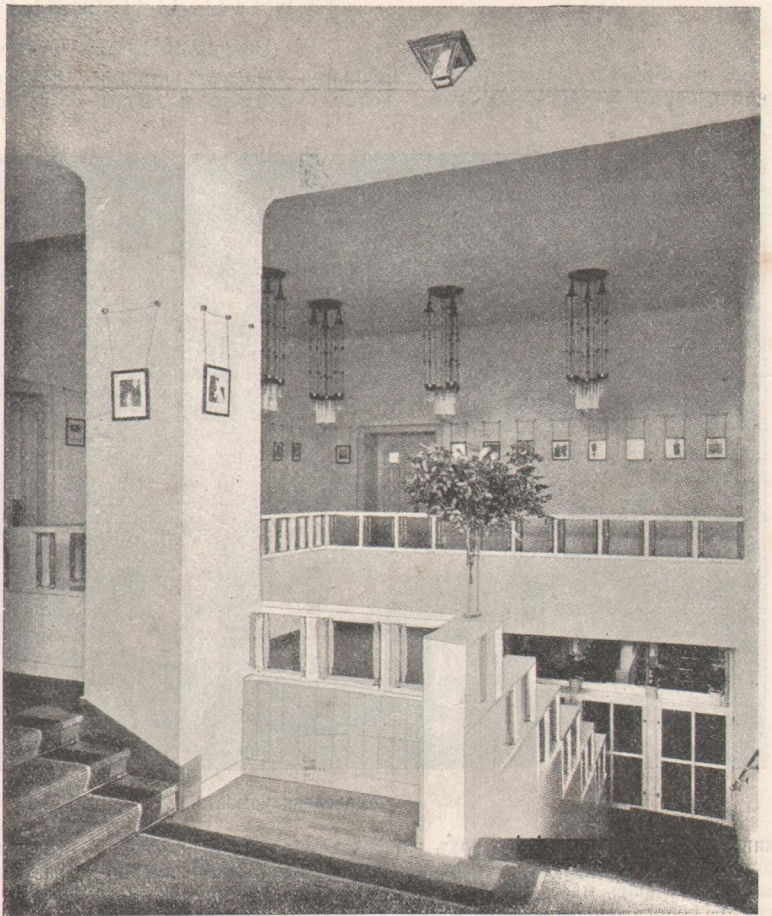
комо всё намъ. Подъ декадентствомъ понимается нечто уродливое, болѣзненно-изломанное, неестественно-претенциозное въ искусствѣ, но «большая публика» окрестила совершенно неправильно этимъ словечкомъ всё новыя вѣянія и идеи въ искусствѣ.

Нужно сознаться, что исканіе новыхъ путей въ искусствѣ приводитъ прежде всего къ борьбѣ между умирающимъ и нарождающимся направлениями; во всякой же борьбѣ разгораются страсти, которыя и приводятъ пионеровъ «новаго слова» къ крайностямъ и уродливостямъ первыхъ, чисто неудачныхъ попытокъ. Такія крайности, да еще при отсутствіи таланта авторовъ и создали тѣ неудачныя стихотворенія и драмы «декадентскаго пошиба», надъ которыми вполне заслуженно смѣется публика. Неудачи въ этомъ направленіи встрѣчаются и у крупныхъ талантовъ. Во всякомъ случаѣ, исканіе новыхъ путей всего неудачнѣе въ изящной литературѣ, хотя нѣкоторые «пути» уже привились и тамъ (въ драмѣ, напримеръ) и получили права гражданства. Вспомнимъ напримеръ, современныя пьесы съ «настроениемъ», Ибсена, Метерлинка, Чехова, Гауптмана.

Но «новый стиль», новыя вѣянія въ искусствѣ кое-гдѣ имѣютъ уже и успѣхъ. Всего удачнѣе исканіе новыхъ идей обнаруживается теперь въ художествѣ и въ архитектурѣ, и въ особенности, въ прикладныхъ искусствахъ—въ рисованіи и воспроизведеніи орнаментовъ для предметовъ житейскаго обихода. Въ этой области новыя вѣянія успѣли уже сказаться вполне ясно и опредѣленно, вышли изъ области попытокъ и исканій въ область все болѣе и болѣе выясняющихся формъ и вылившись въ новый стиль, такъ и называемый теперь «новымъ стилемъ»—*style moderne*.

Въ чемъ выражается этотъ *style moderne* въ области художества и прикладныхъ искусствъ?

Рисунки и орнаменты этого стиля достаточно извѣстны всё намъ, потому что съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе вторгаются въ жизнь и начинаютъ всюду окружать насъ. Рисунки и иллюстраціи «въ новой манерѣ» наполняютъ собою страницы иллюстрированныхъ журналовъ; предметы домашняго обихода «въ новомъ стилѣ»—посуда, мебель, мелочи домашней обстановки—появляются

Вестибюль.

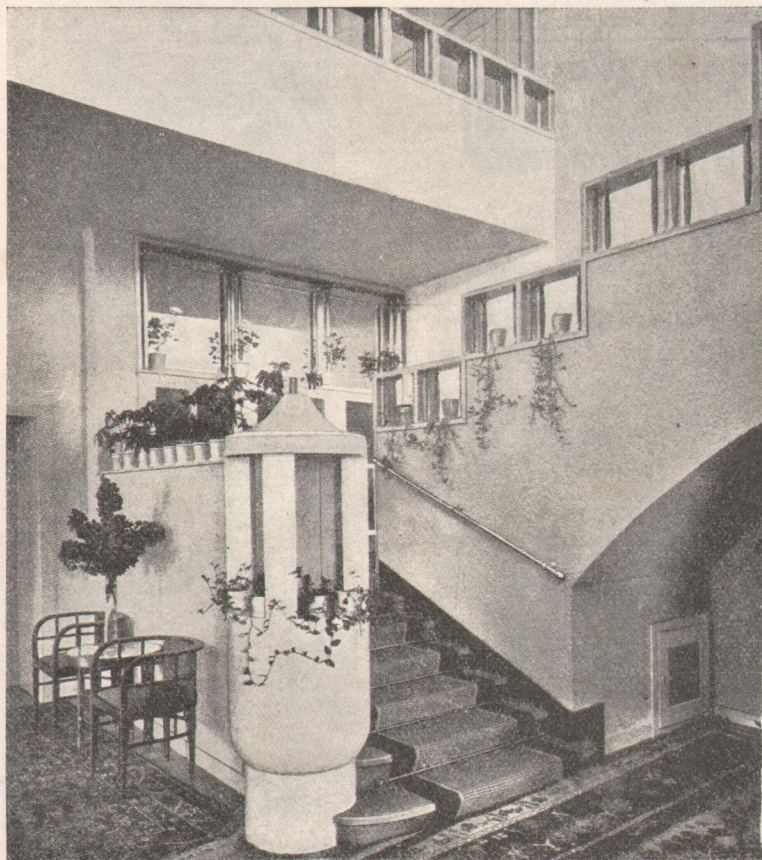

Кабинетъ.

на рынокъ въ огромномъ количествѣ и переходить постепенно въ наши комнаты, и, наконецъ, мало того: соединяясь съ архитектурой, «новый стиль» строить цѣлые дома и создаетъ новыя формы для вѣнности и внутренняго убранства нашихъ жилищъ... И, нужно сказать правду, формы—красивыя, оригинальныя, ласкающія взоръ своей мягкостью и свѣжестью.

Въ новомъ стилѣ, то и дѣло, обставляются теперь фойе и залы театровъ, залы ресторановъ, купе вагоновъ желѣзныхъ дорогъ, каюты пароходовъ. Въ частныя жилища *style moderne* еще не успѣлъ проникнуть всею своею полнотою, но все-таки и теперь можно уже найти цѣлые дома, обставленные до ничтожнѣйшихъ мелочей въ современномъ стилѣ. Рядъ рисунковъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ № нашего журнала, именно, воспроизводитъ характерную домашнюю обстановку въ *style moderne*. Другіе рисунки изображаютъ драгоценности ювелирнаго дѣла въ томъ же новомъ стилѣ.

Характерная особенность «новаго стиля» заключается въ томъ, что онъ старается какъ можно ближе подойти къ природѣ во всей ея простотѣ и во всемъ ея своеобразномъ, капризномъ сочетаніи линий и оттѣнковъ. Въ природѣ нѣтъ строго-выдержанной симметріи, нѣтъ безукоризненно строгихъ прямыхъ линий, а наоборотъ неистощимое богатство всевозможныхъ комбинацій изъ кривыхъ и закругленныхъ линий—и, вотъ, новый стиль беретъ у нея для себя всё эти ея особенности; онъ упорно избѣгаетъ холодной и законченной симметріи и чопорной прямизны и старается возстановить въ своихъ формахъ оригинальную примитивность и первобытность природныхъ формъ. Растекающіяся струи воды, мимолетная сѣтка пѣны, покрывающая волну красивымъ и причудливымъ переплетомъ, безконечное разнообразіе въ сплетеніяхъ жилокъ и волосныхъ сосудовъ въ вѣтвяхъ ткани древеснаго листа—все это служить элементами и основами для «новаго стиля». Въ немъ все—измѣнчивость, гибкость, волнообразіе. Въ немъ все—богатое непостоянство и неистощимое разнообразіе видовъ и формъ природы. Но, какъ и въ самой природѣ, и даже, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ ней, все подчинено въ немъ общимъ законамъ соразмѣрности, общему закону красоты, сущность котораго опредѣлить трудно, но который чувствуется и познается всякимъ истиннымъ художникомъ. Разумѣется (и это, конечно, азбучная истина), что въ рукахъ *не-художника*, «новый стиль», какъ и всякій иной стиль, можетъ быть скомпрометированъ въ рядѣ уродли-

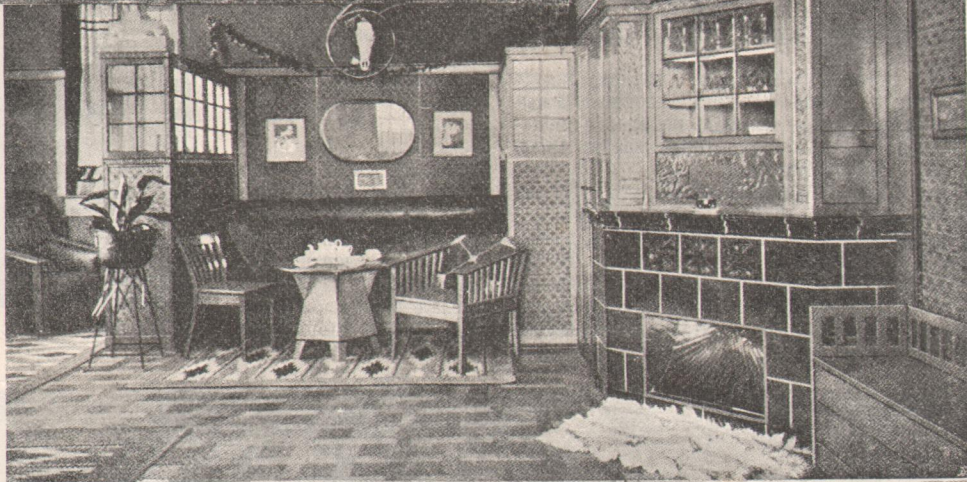

Вестибюль.

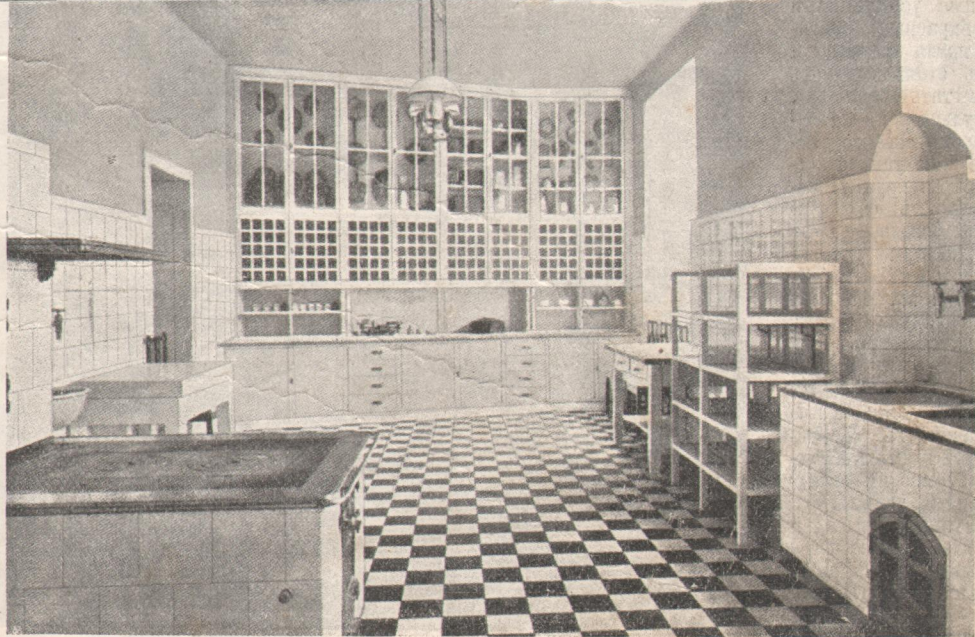
вых претенциозно-шаржированных произведений. Простота и чистота его форм могут быть извращены недальними и рвущими глаз крайностями—и нужно сознаться, что таких бездарных произведений в «новом стиле» очень много (особенно в живописи и в области иллюстраций), и они значительно подрывают авторитет «нового стиля» и вредят ему в глазах толпы, и без того неодобрительно относящейся ко всему новому.

Но зато в руках истинного художника, глаз которого чувствует изящество форм и гармонию частей и целого,—в руках такого художника «новый стиль» творит чудеса красоты. Волнообразные, растекающиеся линии образуют собою чарующие грации и изяществом рисунка, несимметричность мягких и неопределенных форм в общей картине поражает стройной и выдержанной гармоничностью, а простота основных форм и отсутствие лишних орнаментов и всяких витиеватых мелочей придает общей картине какую-то особую свежесть и ясность.

Свежесть и ясность, обусловленные, как сказано, простотой линий и отсутствием излишних украшений, составляют, именно, одну из главнейших, характернейших особенностей «нового стиля». Какая разница у него в этом отношении

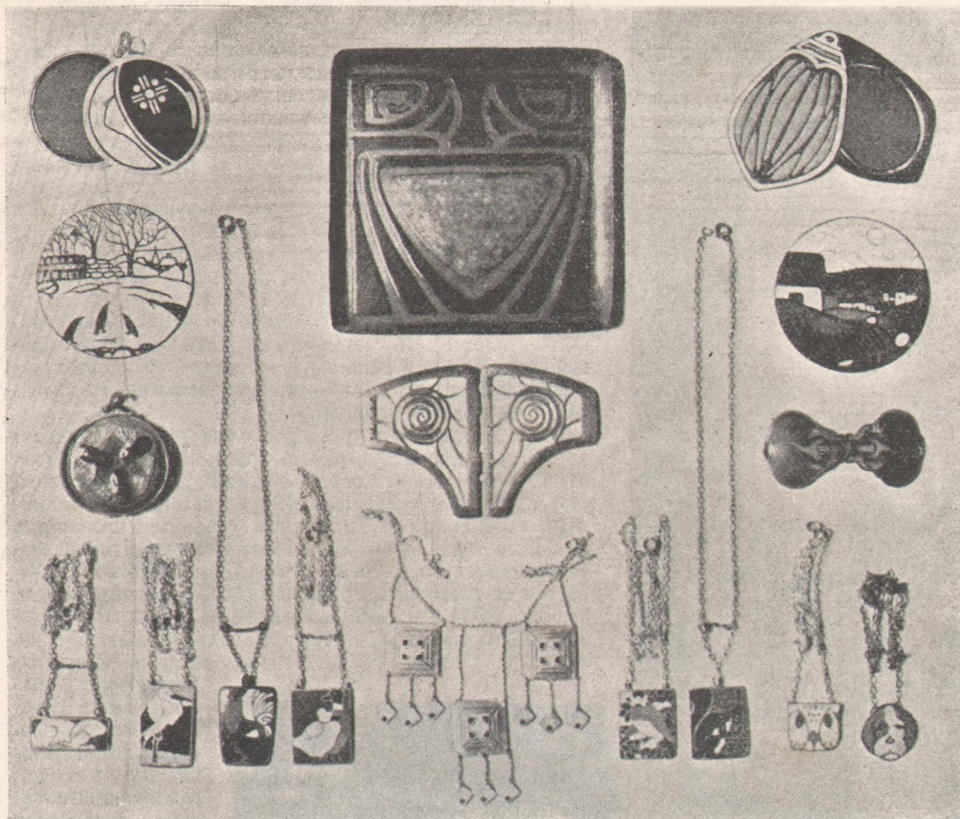
Гостиная.

Кухня.

с старыми стилями: «рококо», «барокко». Там, в произведениях этих старых, особенно претенциозных стилей, столько нагромождено всяких завитушек, амуров и цветков, что в них невольно чувствуется условность и некоторая манерность. Старые стили высказались полностью до последнего слова, и больше им сказать нечего. С этой минуты они сдѣлались историческими стилями; они сыграли в истории искусства свою необходимую и почтенную роль. Ошибочно думать, что прогресс заключается в разрушении старых культов. Старые культы всегда должны лечь фундаментом нового здания. Поэтому «новый стиль» вырос и развился из всей совокупности последовательно сменявшихся друг друга стилей разных эпох. Ведь каждый исчезнувший стиль был в свое время «новым стилем». В созданиях современного нам «style moderne» свет, и ясность, и ширина, и простор художественной мысли, и глубокая проникновенность в самую суть красоту природы.

Старый стиль брал у природы уже готовые формы и украшения, например, цветы, красивые фигурки людей и пр., иначе говоря, лишь воспроизводил с вышней стороны то, что уже давала ему в готовом виде природа. «Новый стиль», наоборот, старается проникнуть в самые тайники природы, в ту лабораторию, где вырабатываются основные начала ее красоты, и старается воспользоваться этими тайными рецептами для своих, созданий вполне самостоятельно. Он не берет, например, лилию в ее гордом виде, но разлагает ее на ее составные художественные части и старается догадаться, в чем заключается секрет ее красоты. Он берет ее грациозные изгибы, волнообразные контуры ее стебля и ее цветка и пользуется этими элементами уже для своих собственных созданий. «Новый стиль», — повторяем, так близок к самой сущности природы, как не был близок ни один прежний стиль—и в этом и заключается секрет его ясности, свежести и всего

Ювелирные украшения въ новомъ стилѣ.

его очарования при той простотѣ формъ, которою онъ довольствуется.

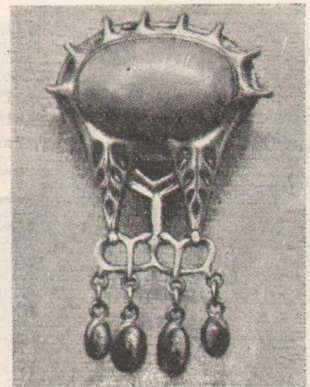
Въ этомъ отношеніи онъ заставляетъ вспомнить разницу между старинной, темной и строгой въ своихъ формахъ живописью и нынѣшней живописью «plein-air». Тамъ — строгая копировка внѣшности безъ углубленія въ суть природы, здѣсь — схватываніе яркой сути при нѣкоторомъ игнорированіи мелочей.

«Новый стиль» — это стремленіе къ внутренней правдѣ. Это же стремленіе къ внутренней правдѣ проникаетъ собою исканіе новыхъ путей и въ другихъ сферахъ искусства — въ живописи, драмѣ, ваяніи, поэзи. Въ драмѣ оно достигло уже многого, въ ваяніи новые пути еще не проложены окончательно, и многія произведенія знаменитаго скульптора Родена, страстно ищущаго этихъ путей, поражаютъ какою-то болѣзненностью фантази и творческой мысли.

Но зато въ крохотномъ отдѣлѣ скульптуры — въ отдѣлѣ ювелирнаго искусства «новый стиль» успѣлъ найти прекрасныя, оригинальныя формы, и объ этомъ слѣдуетъ замѣтить особо. Изъ скульпторовъ-ювелировъ «новаго стиля» уже успѣли приобрести крупную извѣстность французскій ювелиръ Ренэ Ляликъ и русскій художникъ Л. Л. Татищевъ. Первый изъ этихъ ювелировъ экспонировалъ года два тому назадъ свои оригинальныя произведенія на выставкѣ въ Петербургѣ и имѣлъ огромный, вполне заслуженный успѣхъ.

Итакъ, «новый стиль» понемногу начинаетъ видѣться въ жизни. Противниковъ у него еще очень много — и не только въ области

поэзи и живописи, гдѣ попытки исканія новыхъ идей не успѣли вылиться въ совершенныя формы, но и въ области архитектуры и прикладныхъ искусствъ, гдѣ «новый стиль» уже вполне разработанъ и, что называется, твердо стая на ноги. Надъ «декадентщиной» старательно острятъ, не желая видѣть даже въ лучшихъ созданіяхъ «но-

Брошь.

Шейный подвѣсокъ (pendantif).

Ювелирные украшения въ новомъ стилѣ.

Ювелирныя украшенія въ новомъ стилѣ—изъ золота и серебра съ эмалью.

ваго стиля» ничего, кромѣ претенціознаго ломанія. Но tempora mutantur, et nos mutamur in illis.—Мѣняются времена, и мы мѣняемся въ нихъ, и то, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ изгонялось и опозоривалось, въ будущемъ будетъ признано и облюбовано. И люди спокойно пойдутъ по «новымъ путямъ», не вздыхая о старой дорогѣ, потому что новый путь есть только продолженіе и развитіе стараго. Зачѣмъ же порицать «новый стиль» и негодовать на него, когда столько «стилей» уже было благополучно признано человѣчествомъ послѣ годовъ борьбы и привыканія къ нимъ? И не стыдно ли намъ замыкаться въ предѣлахъ «старога стиля» въ искусствѣ, когда вся жизнь наша—и частная, и государственная—настоятельно нуждается въ «новомъ стилѣ», и когда не сегодня-завтра мы всѣ вступимъ на новый путь реформъ, «новый стиль» которыхъ признанъ уже съ высоты Престола, и противъ которыхъ негодуютъ лишь ослабленные элементы стараго общества, у которыхъ кружится голова отъ могучаго притока свѣжаго воздуха.

* * *

Не угасай, небесный пламень,
 Душа тобой озарена!—
 Угаснешь ты—уснетъ она,
 И обратится сердце въ камень—
 И будетъ жизнь, какъ смерть, темна.

Но озари въ душѣ усталой
 Всѣ потаенные углы,
 Развѣй печаль сердечной мглы
 И возвѣсти зарею алой
 О жизни духа вѣкъ суетъ...
 Не угасай, небесный свѣтъ!..

Н. Рябовъ.

Герой

Онъ сѣять полюсу свою,
 И озими взошли...
 А братья тамъ, въ чужомъ краю,
 Въ злой сѣчѣ полегли.

И вотъ опять звучитъ призывъ:
 Пришелъ его чередъ,
 Онъ отъ родныхъ луговъ и нивъ
 Въ кровавый бой идетъ.

Идетъ съ отчаяньемъ въ груди,
 Печалень и уныль,
 И слышитъ стоны позади
 Всѣхъ, кто его любилъ...

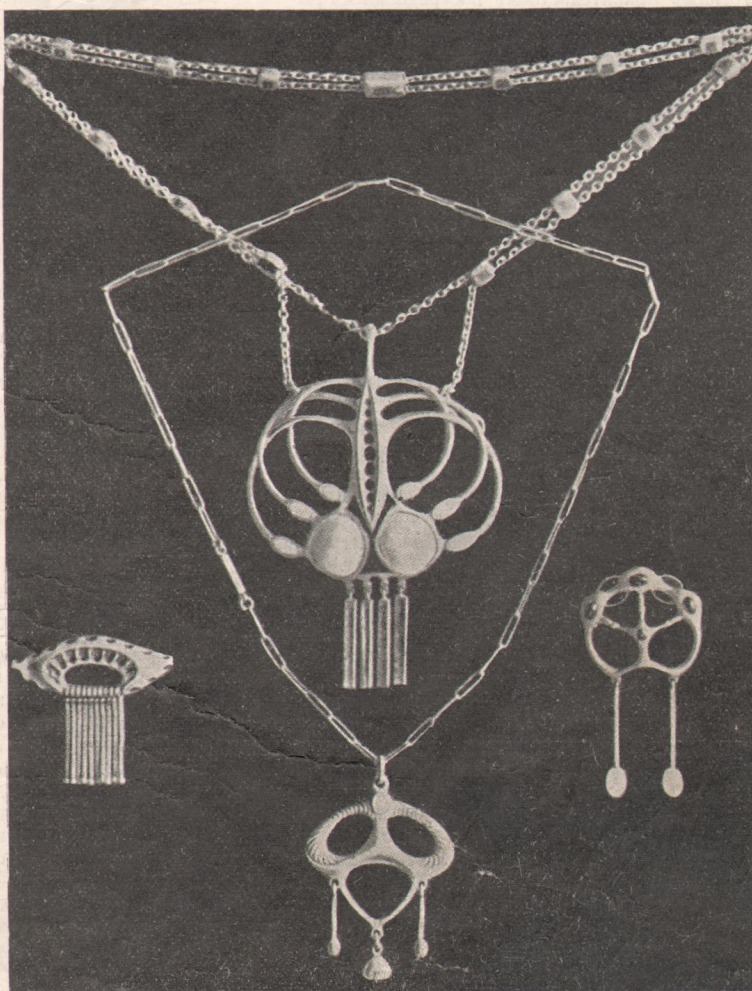
Изъ темной дали день за днемъ
 Летитъ за вѣстью вѣсть,
 Какъ меркнетъ въ битвѣ со врагомъ
 Родного края честь.

И съ каждымъ часомъ домъ родной
 Все дальше, все темнѣй...
 Скорѣ въ бой, въ кровавый бой
 За честь земли своей!

Отъ чахлахъ нивъ, изъ тьмы лѣсовъ
 Идетъ за ратью рать,—
 У дальнихъ, чуждыхъ береговъ
 Безстрашно умирать.

И мысль одна у всѣхъ: дойти
 И стать за край родной!—
 Такъ вырастаетъ на пути
 Изъ пахаря герой...

С. Караскевичъ.

Ювелирныя украшенія въ новомъ стилѣ—изъ золота и серебра съ эмалью.

Развязка гульскаго недоразумѣнія.

(Политическое обозрѣніе).

«Конецъ вѣнчаетъ дѣло», «хорошо все то, что хорошо кончается» — такими, приблизительно, словами можно выразить впечатлѣніе, произведенное на весь цивилизованный міръ только что обнародованнымъ рѣшеніемъ международнаго суда адмираловъ по поводу печальнаго происшествія въ Нѣмецкомъ морѣ. Для того, чтобы по достоинству оцѣнить итоги миролюбивыхъ трудовъ международной комиссіи, достаточно мысленно перенестись къ тяжелымъ днямъ октябрьскихъ событій, достаточно вспомнить, какія требованія предъявлялись тогда къ Россіи не только воинственными публицистами «желтой прессы», но даже всегда корректными англійскими дипломатами. Въ «Синей книгѣ» опубликованы переговоры, которые велись между лордомъ Лендоуномъ и русскимъ посломъ при великобританскомъ правительствѣ, графомъ Бенкендорфомъ. Въ этихъ переговорахъ рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе, какъ о задержкѣ второй эскадры и о наказаніи русскихъ морскихъ офицеровъ.

«Мы не можемъ допустить, — заявлялъ лордъ Лендоунъ, — чтобы русской эскадрѣ было позволено продолжать свой путь, разъ на ней идутъ лица, ответственные за происшествіе съ рыбаками. Это не только дало бы имъ возможность избѣжать справедливаго возмездія, но и сдѣлало бы невозможнымъ получить рѣшительные результаты въ разслѣдованіи дѣла, обѣщанномъ русскимъ правительствомъ. Если наши требованія въ этомъ отношеніи не будутъ удовлетворены, то мы будемъ вынуждены принять мѣры къ достиженію ихъ силою».

Къ счастью, между словомъ и дѣломъ иногда лежитъ «дистанція огромнаго размѣра», особенно у англійскихъ дипломатовъ, которые всегда любятъ запросить лишнее, чтобы было съ чего впоследствии спустить. Согласившись, послѣ кратковременной задержки эскадры въ Внго, которой наши суда, разумѣется, прекрасно воспользовались для пополненія запасовъ, на назначеніе международной слѣдственной комиссіи, воинственная на словахъ Англія теперь очень рада примириться съ полнымъ оправданіемъ дѣйствій адмирала Рождественскаго и всѣхъ его подчиненныхъ. Въмѣсто воинственныхъ криковъ: «Крови, Яго, крови!» англичане вполне удовлетворены тою щедрою наградою, которая выдана русскимъ правительствомъ пострадавшимъ рыбакамъ. Даже платоническаго порицанія распоряженій русскаго адмирала они не услышали изъ устъ большинства комиссіи. Напротивъ, пунктъ 8-й ея заключеній, послѣ подробнаго перечня распоряженій начальника эскадры по оборонѣ судовъ отъ наблюденія миноносцевъ, говоритъ:

«Большинство комиссаровъ полагаютъ, что въ военное время и особенно при условіяхъ, которыя адмиралъ Рождественскій имѣлъ полное основаніе считать очень безпокійными, и въ виду невозможности для него проконтролировать достовѣрность предостереженій, полученныхъ отъ агентовъ русскаго правительства, въ такихъ приказахъ нѣтъ ничего особенно крайняго».

Въ пунктѣ 12-мъ, однако, то же большинство комиссаровъ устанавливаетъ, что не имѣется точныхъ элементовъ для опредѣленія, по какимъ пѣлямъ стрѣляли суда. Но комиссары единодушно признаютъ, что суда рыбацкаго флота ни совершили ни одного враждебнаго дѣйствія; большинство же комиссаровъ кромѣ того полагаютъ, что ни среди рыбаковъ, ни вообще въ этихъ мѣстахъ не было никакого миноносца; въ виду этого, открытіе адмираломъ Рождественскимъ огня не оправдывалось.

Пунктъ 15-й опять признаетъ, что адмиралъ Рождественскій съ самаго начала и до конца дѣлалъ все возможное для того, чтобы помѣшать опознаннымъ рыбакамъ быть мишенью выстрѣловъ эскадры.

Относительно упрековъ, будто бы русскіе ушли, бросивъ на произволъ судьбы израненные и разстрѣленные рыбацкіе пароходы, комиссары единодушно признаютъ, что послѣ тѣхъ обстоятельствъ, которыя предшествовали инциденту, и тѣхъ, которыя его вызвали, при прекращеніи огня было много неизвестности о грозившей отряду судовъ опасности, и адмиралъ могъ имѣть основаніе продолжать путь, и выразивъ совершенно напрасное сожалѣніе, что онъ по приходѣ въ Па-де-Кале не далъ знать о случившемся англійскому правительству, которое въ это время и безъ того прекрасно знало уже обо всемъ, въ заключеніе своего рапорта заявляетъ, что оцѣнка, высказанная въ немъ, по духу своему, не можетъ послужить какимъ-либо умаленіемъ военныхъ качествъ или гуманныхъ чувствъ адмирала Рождественскаго или личнаго состава его эскадры.

Это совсѣмъ не то рѣшеніе, котораго желали наши друзья, кричавшіе о необходимости вернуть эскадру обратно, а весь ея личный составъ подвергнуть строгому дисциплинарному взысканію до заключенія на гауптвахтахъ включительно. Поэтому немудрено, что нѣкоторые изъ англійскихъ шовинистовъ вопіютъ о побѣдѣ Россіи

и пораженіи Англіи на международномъ судилищѣ. Въ дѣйствительности, здѣсь не было ни побѣдителей, ни побѣжденныхъ. Комиссія была и хотѣла быть не столько праведнымъ судьей, сколько мягкимъ и изворотливымъ примирителемъ. Она задавалась скорѣе дипломатическими, чѣмъ юридическими пѣлями. Этимъ объясняется устраненіе изъ обсужденія такихъ жгучихъ вопросовъ, какъ на примѣръ, вопросъ о присутствіи миноносцевъ въ Догеръ-банкѣ: доказательства, представленные по этому пункту русскими представителями, были попросту спрятаны подъ зеленое сукно, именно по тѣмъ соображеніямъ, что обнаруженіе миноносцевъ, вышедшихъ навстрѣчу эскадрѣ изъ англійскихъ гаваней, угрожало еще болѣе осложнить отношенія между тяжущимися націями и, во всякомъ случаѣ, не способствовало бы примирительнымъ видамъ комиссіи. Въ сердцахъ и словахъ комиссаровъ гуманное миролюбіе торжествовало надъ строгою логикою слѣдователей и безпристрастіемъ судей. Отсюда множество чисто логическихъ погрѣшностей, которыя навѣрно не были бы прощены ни какому другому суду, руководствующемуся менѣе святыми пѣлями. Категорическое утвержденіе объ отсутствіи миноносцевъ послѣ показаній капитана Кладо и авторитетнаго заявленія самого председателя комиссіи, адмирала Фурнье, о невозможности смѣшать быстро движущійся миноносецъ съ другимъ судномъ на всю почти европейскую печать произвело впечатлѣніе полной неожиданности, но оно было нужно для умиротворенія Англіи. Если, въ самомъ дѣлѣ, миноносцевъ не было, и «открытіе адмираломъ Рождественскимъ огня не оправдывалось», то какъ же признать его дѣйствія правильными? Тутъ опять таки чувствуется желаніе не обидѣть ни одну изъ сторонъ, и въ томъ пунктѣ, гдѣ логически примирить ихъ нельзя, въ жертву на алтарь гуманности приноситъ логика. Миноносцевъ не было, но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе моряки не признаются виновными въ томъ, что они стрѣляли рыбаковъ, нѣтъ, они стрѣляли по «незавѣстной пѣли», которую принимали за миноносцевъ, а въ рыбацкія суда снаряды попадали вслѣдствіе качки, отъ недостатковъ и перелетовъ. Такимъ образомъ, и англичанамъ не за что на насъ претендовать, да и мы, собственно говоря, должны быть совершенно удовлетворены, такъ какъ, въ концѣ концовъ, образъ дѣйствій русскихъ моряковъ совершенно оправданъ, независимо отъ присутствія или отсутствія миноносцевъ, и признанъ незаслуживающимъ порицанія. Мы вполнѣ можемъ успокоиться на томъ, что попытка задержать нашу эскадру англичанамъ не

Адмиралъ Ф. Д. Дубасовъ, главный представитель Россіи въ парижской международной слѣдственной комиссіи по поводу гульскаго инцидента.

По фот. авт. «Нивы».

удалась, и если русская флотилія до сихъ поръ все еще не успѣла достичь Японскаго моря, то это по причинамъ совершенно недипломатическаго характера. Мы не особенно вѣримъ въ искренность желанія Англіи объявить намъ войну изъ-за случайнаго недоразумѣнія въ Гуллѣ и потому не думаемъ, чтобы это грозное столкновеніе было предотвращено улыбами и комплиментами, усердно расточаемыми обѣими сторонами международной комиссіей. По справедливому замѣчанію графа Ламздорфа, эта война явилась бы позоромъ для XX столѣтія — и уже одного этого вполне достаточно, чтобы вся Европа могла привѣтствовать новые, впервые испытанные на практикѣ способы къ улаженію международныхъ недоразумѣній, указанные гаагской конвенціей. Если подобныя третейскія разбирательства и не дадутъ еще народамъ вѣчнаго мира, то, все-таки, они могутъ избавить Европу отъ войнъ въ тѣхъ случаяхъ, когда сами правительства и народы не имѣютъ достаточно вѣскихъ основаній вступать въ кровавую борьбу.

Расходы по гульскому дѣлу и по содержанію комиссіи подсчитаны въ «Daily Express».

Расходы эти подѣлены между Англіей и Россіей поровну. При этомъ Англія приняла на себя издержки по доставкѣ въ Парижъ своихъ свидѣтелей, а Россія — своихъ. Издержки, потребовавшіяся на содержаніе самой комиссіи, будутъ подсчитаны ея главнымъ секретаремъ. По приблизительному расчету комиссія стоила ежедневно отъ 8 до 10 тысячъ марокъ. Общій же итогъ расходовъ, понесенныхъ обѣими державами, составитъ около 30.000 фунтовъ стерлинговъ.

Къ этимъ расходамъ придется еще прибавить значительно болѣе солидную цифру на вознагражденіе владѣльцевъ рыбацкихъ судовъ и потерѣвшихъ рыбаковъ во время инцидента въ Сѣверномъ морѣ. Сначала у гульскихъ рыбаковъ разыгрался большіе аппетиты и выразилось явное настроеніе, воспользовавшись рѣдкимъ и удобнымъ случаемъ, сорвать крупное вознагражденіе. Но послѣ рѣшенія международной комиссіи, англійское правительство не поддержало этихъ требованій своихъ подданныхъ и признало справедливымъ ходатайствовать объ удовлетвореніи лишь 10% предъявленныхъ притязаній. Такимъ образомъ рыбакамъ придется, вѣроятно, удовлетвориться суммой около полумилліона рублей.

ВЫСОЧАЙШІ РЕСКРИПТЪ,

данный на имя Министра
Внутренних Дѣлъ.

Александръ Григорьевичъ!

Вѣрныя исконному обычаю народа русскаго — нести къ Престолу изъявленія чувствъ своихъ во дни радости и печалей, переживаемыхъ Отечествомъ, — дворянскія и земскія собранія, купеческія, городскія и крестьянскія общества со всѣхъ концовъ земли Русской принесли Мнѣ многочисленныя поздравленія, по случаю радостнаго событія рожденія Наслѣдника Цесаревича, съ выраженіемъ готовности пожертвовать своимъ достояніемъ дѣлу успѣшнаго завершения войны и посвятить все свои силы для содѣйствія Мнѣ въ усовершенствованіи Государственнаго порядка.

Отъ Имени Ея Величества и Моего поручаю вамъ передать привѣтственно обратившимся ко Мнѣ собраніямъ и обществамъ сердечную Нашу благодарность за выраженіе ихъ вѣрноподданническихъ чувствъ, которыя

Генераль-адъютантъ А. М. Стессель.

По послѣдней фотографіи, снятой въ Петербургѣ К. К. Булла, авт. «Нивы».

въ трудное переживаемое нами время были Намъ тѣмъ болѣе отрадны, что высказанная въ тѣхъ обращеніяхъ готовность, по зову Моему придти содѣйствовать успѣшному осуществленію возвышенныхъ Мною преобразованій, всецѣло отвѣчаетъ душевному Моему желанію: совмѣстной работою Правительства и зрѣлыхъ силъ общественныхъ достигнуть осуществленія Моихъ предначертаній, ко благу народа направленныхъ.

Преемственно продолжая Царственное дѣло Вѣчнослѣдственныхъ Предковъ Моихъ — собраніе и устроение земли Русской, Я вознамѣрился отнынѣ, съ Божіею помощію, привлечь достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній.

Соображая особыя условія обширнаго отечества нашего, разноплеменность состава его населенія и слабое въ нѣкоторыхъ его частяхъ развитіе гражданственности, Государь Рос-

В. А. Стессель. А. М. Стессель.

Группа защитниковъ Портъ-Артура, прибывшихъ на пароходъ „Св. Николай“ 9-го февраля 1905 г. въ Феодосію.
По фот., снятой въ Феодосіи, авт. «Нивы».

сійскіе въ мудрости Своей всегда даровали не-обходимыя, въ зависимости отъ на-зрѣвшихъ потребностей, пре-образования, лишь въ по-рядкѣ извѣстной послѣ-довательности и съ осмотритель-ностью, обез-печивающею неразрыв-ность крѣп-кой истори-ческой связи съ прош-лымъ, какъ залога прочности и устойчивости сихъ преобразований въ будущемъ.

И нынѣ, предпринимая сіе преобразование, увѣренный, что знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное

Тревога на застаѣ. По фот. Озеркаго, авт. «Нивы».

законовъ Имперіи.

А по сему, хорошо зная многолѣтнюю административную вашу опытность и цѣня спокойную увѣренность характера вашего, Я признаю за благо учредить подъ вашимъ предѣ-

откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обеспечить плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа, Я, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвижу всю сложность и трудность проведения сего преобразования въ жизнь при непремѣнномъ сохраненіи не-зыблемости основныхъ

На Путиловской сопкѣ. Шальная граната. Рисунокъ нашего спеціальн. корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

дательствованіем Особое Совѣщаніе для обсужденія путей осуществленія сей Моей воли.

Да благословитъ Господь сіе благое начинаніе Мое и да поможетъ вамъ исполнить оное успѣшно на благо Богомъ вѣрннаго Миѣ народа.

Пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

18-го февраля 1905 г., гор. Царское Село.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ,

данный Правительствующему Сенату.

1905 года, февраля 18-го. «Въ неустанномъ попеченіи объ усовершенствованіи государственнаго благоустройства и улучшеніи народнаго благосостоянія Имперіи Россійской признали Мы за благо облегчить всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, радѣющимъ объ общей пользѣ и нуждахъ государственныхъ, возможность непосредственно быть Нами услышаннымъ.

Въ виду сего повелѣваемъ:

Возложить на состоящій подъ предсѣдательствомъ Нашимъ Совѣтъ Министровъ, сверхъ дѣль, ему нынѣ подвѣдомственныхъ, разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на Имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія».

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащее по сему предмету распоряженіе.

К. К. Максимовичъ.

(Портр. на стр. 180).

Высочайшимъ приказомъ отъ 20-го февраля числящейся по гвардейской кавалеріи, войсковой наказной атаманъ войска

донского, генераль-адъютантъ, генераль-лейтенантъ Константинъ Клавдіевичъ Максимовичъ, назначенъ варшавскимъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками варшавскаго военнаго округа.

К. К. Максимовичъ родился въ 1849 г. Образованіе онъ получилъ въ Пажескомъ корпусѣ, по выходѣ изъ котораго, въ чинѣ корнета л.-гв. коннаго полка,

Итальянскій военный агентъ, лейтенантъ Камперіо, во время снѣжной мятели на позиціи.

По фот. Озерскаго, авт. «Нивы».

вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба. Академію К. К. Максимовичъ окончилъ по первому разряду и, такъ какъ тогда началась русско-турецкая война, — онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ начальнику штаба дѣйствовавшей тогда противъ турокъ арміи, генералу Непокройчицкому.

К. К. Максимовичу привелось принять въ войнѣ дѣятельное участіе. Онъ исполнилъ много очень важныхъ и отвѣтственныхъ порученій, участвовалъ во многихъ опасныхъ рекогносцировкахъ и бояхъ съ неприятелемъ и, въ составѣ главной квартиры дѣйствовавшей арміи, перешелъ Балканы чрезъ Шипкинскій перевалъ.

Съ 1884 и по 1893 годъ К. К. Максимовичъ командовалъ драгунскимъ нижегородскимъ и л.-гв. конно-гренадерскимъ полками, а затѣмъ первой бригадой второй гвардейской кавалерійской дивизіи.

Съ 1893 года началась его дѣятельность на новомъ для него военно-административномъ поприщѣ. Въ упомянутомъ году К. К. Максимовичъ былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ уральской области и наказнымъ атаманомъ уральскаго казачьяго войска, а позднѣе получилъ назначеніе на должность войскового наказнаго атамана войска донского. Въ послѣдней должности К. К. пробылъ шесть лѣтъ, вплоть до своего нынѣшняго назначенія на постъ варшавскаго генераль-губернатора.

Герой—стрѣлокъ Иванъ Барчукъ: стоя на посту, онъ былъ окруженъ японцами, въ теченіе 13-ти дней находился въ ихъ распоряженіи, питался зеленью. По фот. Озерскаго, авт. «Нивы».

К. К. Максимовичъ зарекомендовалъ себя опытнымъ и благожелательнымъ администраторомъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что подъ его управленіемъ мирная жизнь Царства Польскаго, нарушенная въ послѣдніе дни различными волненіями, придетъ снова къ полному спокойствію. За это ручается опытность и тактичность К. К. Максимовича, не разъ проявленная имъ прежде, во время его разносторонней служебной дѣятельности.

Д. В. Аверкіевъ. (Портр. на стр. 180).

Въ лицѣ скончавшагося 8-го января извѣстнаго писателя, драматурга и журналиста, Дмитрія Васильевича Аверкіева литература наша понесла очень чувствительную утрату.

Д. В. Аверкіевъ создалъ цѣлую драматическую литературу, написавъ въ теченіе своей долголетней дѣятельности много историческихъ драмъ, сюжеты для которыхъ черпалъ преимущественно изъ русской исторіи. Его пьесы пользуются крупнымъ успѣхомъ у публики, въ особенности «Каширская Старина», не сходящая донынѣ съ репертуара не только провинціальнаго, но и многихъ столичныхъ сценъ.

Д. В. Аверкіевъ родился въ 1836 году въ Екатеринодарѣ, въ купеческой семьѣ, происходившей изъ крестьянъ Олонецкой губерніи. Девяти лѣтъ отъ роду Д. В. былъ перевезенъ въ Петербургъ къ своему дѣду и опредѣленъ въ коммерческое училище. Изъ него собирались сдѣлать комерсанта, но Д. В. Аверкіевъ избралъ себѣ совершенно иное поприще: окончивъ курсъ училища, онъ поступилъ въ петербургскій университетъ, окончилъ въ немъ курсъ со степенью

Первая перевязка. По фот. Озерскаго, авт. «Нивы».

кандидата естественных наук и посвятил себя литературной деятельности.

Заниматься литературою Д. В. Аверкиевъ, собственно, начал еще и ранѣе того: еще будучи студентомъ, онъ писалъ мелкія комедіи, повѣсти и стихи и трудился надъ переводами. Особенно тяготѣние уже тогда онъ испытывалъ къ драматической литературѣ, потому что еще съ дѣтства пристрастился къ театру и чувствовалъ къ нему истинное «влечение, родъ недуга»; позднѣе это влечение опредѣлило собою всю литературную дѣятельность Д. В. Аверкиева.

Въ 1860 году Д. В. былъ приглашенъ въ число сотрудниковъ газеты «Русскій Инвалидъ» и сталъ помѣщать тамъ фельетоны и театральныя рецензіи. Затѣмъ онъ сотрудничалъ въ «Сѣверной Пчелѣ», а попутно, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ юмористическихъ журналахъ. Въ 1864 году Д. В. сблизился съ Ѳ. М. Достоевскимъ и сталъ сотрудничать въ его «Эпохѣ».

Въ томъ же году появился въ печати первый крупный опытъ Д. В. въ области исторической драмы—«Мамаево Побойще—лѣтописное сказаніе». Поводомъ къ возникновенію этого произведенія послужила горячая полемика покойнаго съ Н. И. Костомаровымъ относительно историческаго значенія дѣятельности Дмитрія Донскаго. Ознакомившись, ради введенія этой полемики, съ лѣтописями и сочиненіями, трактовавшими о знаменитомъ князѣ, Д. В. Аверкиевъ почувствовалъ желаніе перенести старинную русскую быль на сценическія подмостки—результатомъ этого и явилась упомянутая драма. Съ той поры Д. В. Аверкиевъ охотнѣе всего посвящалъ свой талантъ созданію историческихъ пьесъ: такъ, въ 1867 г. во «Всемирной Иллюстраціи» появилась его трагедія «Слобода Неволія», въ 1868 г. была поставлена на сценѣ въ Петербургѣ—комедія «Фроль Скобѣевъ», а въ началѣ 70-хъ годовъ была написана имъ «Каширская Струна», поставленная въ московскомъ Маломъ театрѣ и имѣвшая огромный успѣхъ. Кромѣ того, въ разное время, Д. В. Аверкиевымъ были написаны еще слѣдующія пьесы: «Лѣпшій» (комедія въ стихахъ), «Терентій, мужъ Данильевичъ», «Царь Петръ и Царевичъ Алексѣй», «Темный и Шемьяка», «Княгиня Ульяна Виземская», «Разрушенная Невѣста», «Франческа Риминійская», «Непогрѣшимые», «Сидоркино Дѣло», «Трогирскій Воевода» и др., имъ же было написано либретто для извѣстной оперы Стрнова «Рогнѣда».

Въ качествѣ журналиста и, въ частности, театральнаго хроникера и критика, покойный участвовалъ, кромѣ вышеупомянутыхъ газетъ, въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Голосѣ», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Новомъ Времени»; «Всемирной Иллюстраціи» и «Нивѣ», гдѣ были помѣщены: повѣсть «Вѣчу не быть», рассказъ «Ученый сонъ», комедія «Не шали съ огнемъ» и друг. Въ 1885 году онъ предпринялъ изданіе собственнаго ежемѣсячнаго журнала («Дневникъ Писателя»), но журналъ этотъ успѣха не имѣлъ и существовалъ всего лишь одинъ годъ.

Въ началѣ 90-хъ годовъ Д. В. Аверкиевъ вступилъ членомъ въ «Союзъ любителей русскаго слова», поставившій своей задачей противодѣйствовать распространенію въ русской литературѣ иностранныхъ реченій.

Въ 1892 году Д. В. Аверкиевъ праздновалъ 35-лѣтіе литературной дѣятельности.

Въ возданіе заслугъ, оказанныхъ имъ русской литературѣ, ему

была тогда пожалована Императоромъ Александромъ III ежегодная пенсія въ 2.000 р. Тогда же онъ былъ назначенъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія и оставался въ этой должности до конца своей жизни.

Скончался онъ 68 лѣтъ, оставивъ по себѣ добрую память, какъ человекъ и писатель.

Д. Л. Михаловскій.

(Портр. на этой стр.).

9-го февраля скончался извѣстный поэтъ и переводчикъ Дмитрій Лаврентьевичъ Михаловскій.

Среди нашихъ поэтовъ имя его не сіяетъ какимъ-либо ослѣпляющимъ блескомъ; кругомъ него не поднималось и не поднимается шума, но истинные любители русской словесности и поэзіи хорошо знаютъ и дѣятъ литературныя труды покойнаго. Какъ поэтъ, Д. Л. Михаловскій преимущественно занимался переводами, и оригинальнаго, своего далъ мало; но зато переводы его чрезвычайно хороши, прекрасно передаютъ подлинники, и, работая много-много лѣтъ на этомъ поприщѣ, покойный познакомилъ русскую читающую публику съ весьма многими зарубежными писателями.

Д. Л. Михаловскій родился въ Петербургѣ въ 1828 г. и получилъ высшее юридическое образованіе въ с.-петербургскомъ университетѣ. Литературную дѣятельность свою онъ началъ сравнительно поздно, потому что занятъ ею ему долгое время мѣшали его служебныя обязанности: Д. Л. Михаловскій съ 1848 г. по 1884 г. занималъ различныя казенныя должности: «пѣвецъ-гуслирь во приказѣ сидѣль...»

Службу свою покойный началъ въ канцеляріи кавказскаго наместника, а затѣмъ перешелъ въ Петербургъ. Въ 1869 г., перейдя въ вѣдомство министерства финансовъ, онъ былъ командированъ въ Варшаву, въ распоряженіе завѣдующаго финансовымъ управленіемъ Царства Польскаго, а позднѣе былъ назначенъ въ составъ экспедиціи для избранія мѣста устройства коммерческаго порта на Мурманскомъ берегу и для собранія свѣдѣній по экономическому развитію края.

Въ 1884 г. Д. Л. Михаловскій вышелъ въ отставку и всецѣло посвятилъ себя литературной дѣятельности. Онъ дебютировалъ въ

1857 г. переводомъ байронскаго «Мазепы» (въ «Современникѣ»). Затѣмъ помѣщалъ въ томъ же журналѣ и другіе переводы изъ Байрона и Шекспира («Юлій Цезарь»). Въ слѣдующее время произведенія Д. Л. помѣщались въ «Русской Мысли», «Русскомъ Богатствѣ», «Дѣлѣ», «Знаніи», «Нивѣ» и другихъ журналахъ.

Среди произведеній множества авторовъ покойнымъ были переведены стихотворенія А. Мюссе, Сюлли Прюдомъ, Франсуа Коппе, Ришпена, Пальерона, Манюэля, Боделера и др. Кромѣ поэтическихъ произведеній Д. Л. Михаловскій переводилъ нерѣдко и прозу, и даже научныя сочиненія.

Переводныя стихотворенія въ 1876 г. были имъ выпущены отдѣльнымъ изданіемъ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній Д. Л.

Михаловскаго наибольшей извѣстностью пользуются: «Поэтъ и Муза» и «Три могилы», а изъ переводныхъ «Ильсью о Гайаватѣ» Лонгфелло.

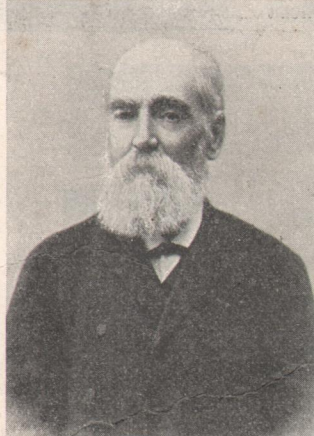
Стихи и, вообще, литературный стиль покойнаго отличались благородствомъ и красотой формы и безспорнымъ изяществомъ языка. Въ его лицѣ наша литература потеряла крупнаго работника, всецѣло воспитаннаго въ традиціяхъ пушкинскаго эпохи и высоко стоявшаго надъ «засасывающей тиной жизни».

Вновь назначенный варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ К. К. Максимовичъ. По фот. авт. «Нивы».

Д. В. Аверкиевъ († 8-го января 1905 г.). По фот. авт. «Нивы».

Д. Л. Михаловскій († 9-го февраля 1905 г.). По фот. авт. «Нивы».

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Въ навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Адольфъ Менцель и его произведенія. — Вблизи японцевъ. (Изъ текущей войны). Ю. Елецъ. — Нѣчто о новомъ стилѣ. — Стихотвореніе Н. Рябова. — Герой. Стих. С. Карасевича. — Развязка гульскаго недоразумѣнія. (Политическое обозрѣніе). — Высочайшій рескриптъ. — Именной Высочайшій указъ. — Д. В. Аверкиевъ. — Д. Л. Михаловскій. — Объявленія.

РИСУНКИ: Этюдъ А. Менцеля. — Фридрихъ Великій. — Два этюда А. Менцеля. — Этюдъ дамы. — А. Менцель въ своемъ кабинетѣ. — Академикъ Н. С. Самокишъ. — Проходная комната. — Столовая. — Вестибюль. — Кабинетъ. — Вестибюль. — Гостиная. — Кухня. — Ювелирныя украшенія въ новомъ стилѣ. — Брошь. — Шейный подвѣсокъ (pendantif). — Ювелирныя украшенія въ новомъ стилѣ. — Ювелирныя украшенія въ новомъ стилѣ — изъ золота и серебра съ эмалью. — Адмиралъ Ф. Д. Дубасовъ. — Генералъ-адъютантъ А. М. Стессель. — Группа защитниковъ Портъ-Артура. — Тревога на заставѣ. — На Путиловской солкѣ. Шальная граната. — Итальянскій военный агентъ лейтенантъ Камперіо, во время снѣжной мятели на позиціи. — Герой—стрѣлокъ Иванъ Барчукъ. — Первая перевязка. — Генералъ-адъютантъ К. К. Максимовичъ. — Д. В. Аверкиевъ. — Д. Л. Михаловскій.

Нъ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научныя приложенія“ за мартъ 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1905 г. съ 25 рис. и отдѣльн. листъ съ 28 черт. выкр. въ натур. велич. и 27 рис. рукодѣльныхъ работъ.

За издателя Л. Ф. Марксъ.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.